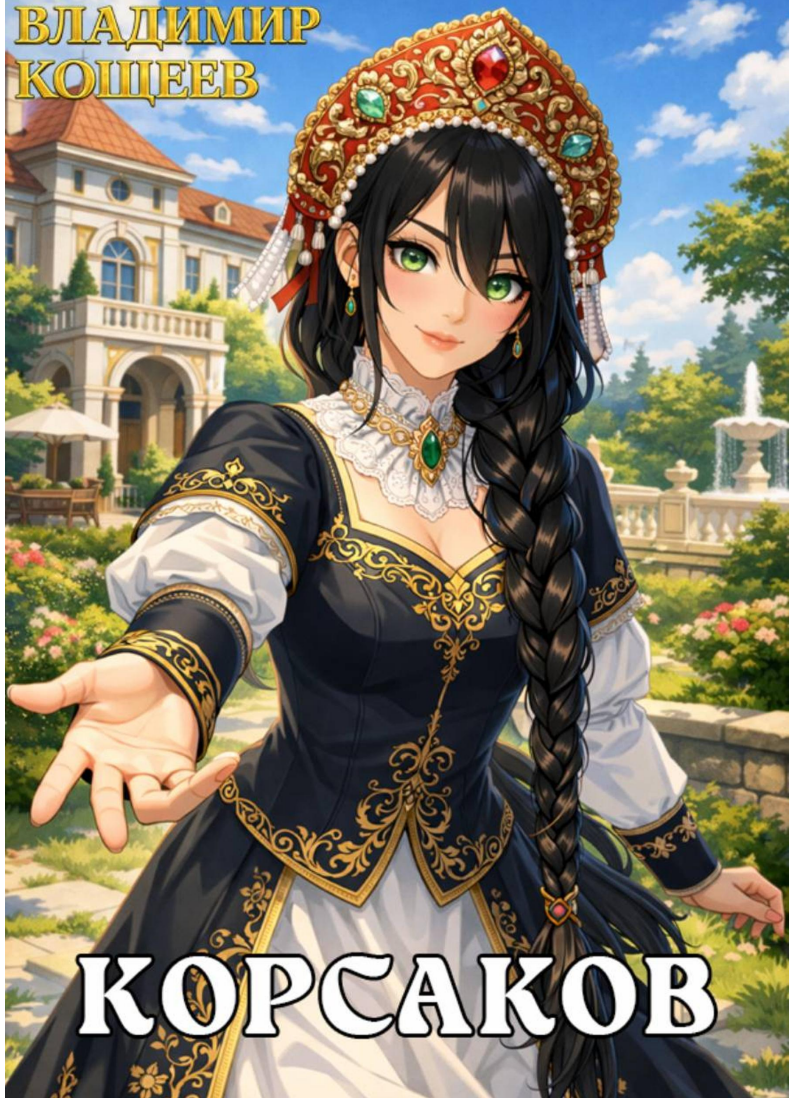

ВЛАДИМИР
КОЩЕЕВ

КОРСАКОВ

Владимир Кощеев Корсаков. Том 1

<https://litres.ru/74315163>

SelfPub; 2026

Аннотация

Балы, красавицы, дуэли, кутежи? На что ещё тратить вторую молодость, переродившись в семье дворянина императорской России XXI века?

Увы, целитель не может не помогать, иначе его дар угаснет. А стоит спасти не того, как окажется, что теперь ты под прицелом.

Одного не знают враги: жизнь и смерть - две стороны одной монеты.

Я Иван Корсаков, и одной рукой я исцеляю, а второй - забираю жизни.

Ну что, господа, поиграем? Угадай, в какой руке...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Владимир Кощеев

Корсаков. Том 1

Глава 1

Выстрел грохнул в тёмном коридоре, и на том конце прохода боец откинулся к стене. Он сполз на пол, оставляя за собой кровавый след на темно-зелёных обоях.

Я не спешил к запертым дверям, за которыми уже была организована оборона. Спокойным шагом приблизившись к створкам, поднял свободную руку. Зелёный огонёк окутал ладонь, позволяя почувствовать точное расположение людей за дверьми.

Повесив пистолет на бедро, я спокойно подобрал автомат из рук мёртвого бойца и, прислонив ствол к стене, сделал первый выстрел. Слишком мощная для стрельбы в помещениях пуля пронзила перегородку, и по ту сторону кто-то сдавленно застонал.

В ответ по мне открыли огонь, стараясь достать, но били слишком высоко. Я уже присел и спокойно разместился на колене, пережидая, пока на голову перестанут сыпаться щепки и крошево, выбитые из стены.

Дождавшись, когда стрельба прекратится, я мягко прошёл на другую сторону от двери, и, вновь применив трюк с обна-

ружением живых, ткнул стволом в заботливо подготовленную дырку в стене.

Палец согнулся на крючке, и очередная пуля ударила в ещё одно тело. На этот раз я не стал дожидаться, пока по мне начнут стрелять, и успел выпустить длинную очередь, прочертив кабинет за дверью на уровне пояса взрослого человека.

Стоны и крики послужили доказательством, что это возымело эффект. Так что я подошёл к двери и, воспользовавшись прикладом, как тараном, вышиб замок. В мою сторону поднялись стволы, но я был быстрее.

Четыре точных выстрела, и четыре тела перестают ощущаться даром. С продырявленной насквозь башкой никакой целитель уже не поможет.

Лишь один мужчина остался в кабинете. Но это ненадолго.

Его рубашка стремительно пропитывалась кровью. Пальцы пытались зажать рану, но это его не спасёт — левое лёгкое пробито. И если ему прямо сейчас не помочь, даже магия не избавит его от свидания с костлявой.

С заметным трудом встав на ноги, он посмотрел на меня полным презрения взглядом и рухнул в кресло. Дрожащей рукой взял со стола сигарету и, щёлкнув пальцами, подкурил её.

— Вот мы и встретились, — произнёс он, выдыхая первое облако дыма, и сразу же закашлялся. — Корсаков...

— Знаешь, в чём между нами разница?

Я потянул стул к столику, ножки с неприятным скрипом заскребли по полу, оставляя на нём некрасивые полосы. Давно хотел испортить что-нибудь в этой идеальной комнате, и теперь мне, наконец-то, выдалась такая возможность.

— В чём же? — выдохнул струю дыма мой собеседник, одной рукой зажимая кровоточащую рану на груди, а второй стряхивая пепел прямо на дорогой ковёр под ногами.

Опустившись напротив мужчины, я сложил пальцы в замок и опёрся на них подбородком. Глядя на будущего мертвеца, не удержался от улыбки.

— С самого начала я думал, что это — неправильно, — заговорил я. — Вместо того чтобы просто лечить людей, я одновременно отбираю их жизни. Сперва мне казалось, что это странно, так не должно быть. А потом случилось то, что случилось, и я понял, что моя способность — это не проклятие, не расплата за ценнейший дар целителя. Это — последняя милость, которую я могу подарить тому, кто больше не хочет жить.

Он вновь закашлялся, прикрылся ладонью, на которой мгновенно стало в разы больше крови. Сейчас этот мужчина меньше всего походил на того сильного аристократа, каким казался мне ранее. Больше походя на вампира с окровавленным ртом и горящими от ярости глазами, он вызывал у меня лишь разочарование и жалость.

— И я понял, — как ни в чём не бывало продолжил я, —

что ты всё это время входил в их число. Просто не признавался никому.

Он посмотрел на меня и выронил окурок на пол. С трудом нащупав его ногой, хозяин кабинета придавил его перепачканным в крови ботинком.

— Делай своё дело, Корсаков, — вложив в свои слова всё доступное ему презрение, потребовал мой враг.

— О, не всё так просто, — усмехнулся я и поднял обе руки над столом. — Ты надеешься, что весь такой благородный сейчас здесь умрёшь от моей руки, и тебе не придётся принимать все последствия того, что ты натворил. Но ты не неизбежно умирающий больной, и с мозгом у тебя всё в порядке. А поэтому вместо того, чтобы стать героическим мучеником, ты предстанешь перед законом Российской империи.

Моя рука загорелась зелёным огнём, и я схватил ею за кашлявшегося мужчину. Подтянув его к себе так, что мы практически оказались нос к носу, я улыбнулся.

— Ты не умрёшь, тварь. Ты будешь жить так долго, что о смерти начнёшь молить, как о милости. И поверь, я сделаю всё, чтобы ты не получил её как можно дольше.

Швырнув уже совершенно здорового мужчину через весь кабинет, я выхватил пистолет и прострелил ему оба колена. Он завыл от боли.

— Не переживай, ничего важного я не повредил, зато не убежишь.

За окном раздался визг сирены, и я улыбнулся.

— Вот видишь, там уже спешит имперская служба безопасности. И она с радостью примет тебя в свои заботливые ручки. Задаст вопросы, на которые ты ответишь с удовольствием, — заявил я, глядя на то, как мой враг корчится на полу. — Не забывай, что ты теперь будешь жить очень долго. Помни, с моим даром я не просто лучший на свете целитель. Но и лучший палач.

* * *

Начало.

Российская империя, Москва, особняк дворянского рода Корсаковых. Корсаков Иван Владимирович.

Я открыл глаза и, нащарив рукой будильник на прикроватной тумбочке, отключил его. До пробуждающей трели оставалось три минуты, ни к чему шуметь лишний раз. Поднявшись с постели и зевнув, я протопал в ванную.

В зеркале на меня смотрел помятый зеленоглазый блондин восемнадцати лет со всклокоченными волосами и красными глазами. Проведя рукой по отросшей щетине, я залез в ванную и включил душ. Время, выигранное у будильника, как раз пригодилось, чтобы ополоснуться и, вооружившись бритвой, начать приводить себя в порядок.

Несмотря на то что в прошлой жизни я носил короткую бородку по моде времён собственной молодости, здесь приходилось бриться постоянно. Положение обязывает, чай, не бояре, чтобы лопату до пояса отпускать. Никто, конечно, её

наильно не сострижёт, но я ещё слишком молод, чтобы позволять себе подобные вещи.

Бытие дворянином в Российской империи образца 2025 года – это куча ограничений и правил, которые не важны простым людям. Но я не жалею, ведь привилегий у моего положения тоже хватает.

Закончив с обязательным бритьём, я выбрался из ванной.

Прислуга уже повесила свежий костюм в гардероб. Служащие у нас люди давно привыкли, что я не терплю, когда меня одевают. С раннего детства демонстрировал самостоятельность во всём, и постепенно даже матушка перестала настаивать. Ну а как иначе, разве может считающий себя взрослым человек позволять кому-то одевать себя и вытирать соп-ли?

Так что, родившись заново, уже в этом мире, я всегда старался обслуживать себя сам. И как только что-то начинало получаться делать маленькими непослушными конечностями, больше не давался слугам. Раз могу – значит, должен.

Рано заговорил, рано начал читать – а что там учиться, если алфавит одинаковый? Писал как курица лапой, ну да на это у каждой приличной семьи секретарь есть. А в последние лет десять с развитием техники мокрая подпись вообще осталась только в виде личного росчерка.

В дверь тихонько поскреблись.

— Войдите, — ответил я, поправляя манжеты белой сорочки.

Створка распахнулась, и в комнату шагнула матушка.

— Ваня, — оглядев меня с улыбкой, произнесла она, — ты уже проснулся. Это замечательно. Сегодня важный день. Я кивнул и улыбнулся в ответ.

Несмотря на вторую жизнь, не полюбить женщину, которая стала для тебя в прямом смысле матерью, невозможно. Мне никогда не приходилось прилагать усилия, чтобы называть Анастасию Александровну мамой.

— Доброе утро, — ответил я. — И не такой уж важный, мам. Я всего лишь получаю аттестат. Хотя я, конечно, и рад, что наконец-то этот этап жизни закончен и впереди начинается действительно интересное время. В кои-то веки перестану играть в песочнице с умственно отсталыми сверстниками и начну взрослую жизнь.

Она всплеснула руками, отчего уложенные в толстую косу волосы всколыхнулись на плечах. Домашнее коричневое платье — по-весеннему лёгкое, подчёркивающее достоинства фигуры и притом выглядящее прилично. Матушка всегда умела себя подать правильно, создавая нужный в данный момент образ. Умение, впитываемое дворянками с молоком.

— Ох, — с улыбкой вздохнула она. — Всё время забываю, какой же ты вечно серьёзный. Но я надеюсь, хотя бы сегодня ты будешь вести себя так, как положено в твоём возрасте. И не вздумай сказать кому-то из своих одноклассников, что считаешь их неполноценными.

— Я постараюсь, — совершенно серьёзно пообещал я.

Взрослому в теле ребёнка сложно изображать из себя маленького человека без мозгов, навыков и знаний. Так что со сверстниками у меня не особенно сложились отношения — компанейским парнем меня не назовёшь, хотя кое-какие знакомства у меня и появились. А как иначе, когда живёшь в обществе?

С большинством одноклассников мне предстоит взаимодействовать всю дальнейшую жизнь. Семейные дела, приёмы, балы — всё это неотделимая часть жизни дворянина, а наша гимназия обучает исключительно благородных детишек. Так что и круг общения у меня соответственный.

Матушка подошла ко мне и, встав за спиной, погладила по плечам, глядя на наше отражение в зеркале.

Сейчас было заметно, что мы близкие родственники. От Анастасии Александровны мне достались яркие зелёные глаза, брови и фамильный нос. Себя я оценивал как красивого парня, и девчонки вокруг это подтверждали. Но они просто не видели мою мать, вот уж женщина с обложки. Ей и было-то всего тридцать шесть, самый сок для понимающих мужчин.

Впрочем, чего ожидать от рода целителей? Даже без всякой магии её благородие Корсакова могла дать фору многим девицам. Следила за собой, занималась в тренажёрном зале, правильно питалась. И расцветала всё больше, если бы меня кто спросил.

— Ты, надеюсь, тоже сегодня повеселишься, — поцеловав

руку на своём плече, сказал я. — Граф Никитин очень рассчитывает на твою благосклонность.

Анастасия Александровна сразу же нахмурила брови и шлёпнула меня по губам ладошкой. Как маленького, ей-богу.

— Иван Владимирович! — строгим тоном принялась отчитывать меня матушка. — Извольте оставить своё мнение при себе.

Я посмеялся и, накинув пиджак, ответил:

— Да это не моё мнение, мам. Это мне Инна сама проболталась, что её батюшка на тебя заглядывается. Помнишь, на приёме у его высокопревосходительства Литвинова тебя нарисовал приглашённый художник? Так граф Никитин этот рисунок выкупил и повесил у себя в кабинете.

Анастасия Александровна прикусила губу, её взгляд стал задумчивым. Однако понять, думает она о том, как непорядочно поступает его сиятельство, выставив чужой портрет в своём кабинете, или о том, не стоит ли действительно проявить немного внимания к отцу моей одноклассницы, было невозможно.

— Мы сами разберёмся, — решительно заявила матушка. — Пойдём завтракать. Сегодня особенный день, так что Олег Петрович специально встал пораньше и приготовил твои любимые яйца в корзине.

Я улыбнулся и последовал за ней. Мы спустились на первый этаж особняка, и я сразу же почувствовал тот благословенный аромат, который позволяет смириться с любыми па-

губными обстоятельствами.

Чёрный, как ночь, крепкий, как удар молотом, кофе.

В столовой уже был накрыт стол, во главе которого я помог занять стул матушке, после чего сел по правую руку от неё. Не успели мы снять баранчики, как по лестнице застучали торопливые каблучки.

— Простите за опоздание! — воскликнула сестрёнка, врываясь в столовую.

— Екатерина Владимировна, — строгим тоном заговорила матушка, и младшая Корсакова тут же состроила виноватое лицо, — будьте добры вести себя прилично. И научитесь, наконец, не опаздывать на семейный завтрак.

— Я приложу все усилия, матушка, — стараясь не смотреть в глаза родительницы, кротко отозвалась сестра.

Впрочем, вряд ли кто-то поверил её обещанию. Опаздывала Екатерина Владимировна по утрам столь регулярно, что если бы этого не произошло, впору было бы задуматься о приближающемся конце света. Но она девица, несовершеннолетняя к тому же, так что послабления были возможны.

Сев напротив меня, сестрёнка тут же сняла крышку со своего блюда и, всё ещё не глядя на мать, чинно взялась за приборы. Несмотря на разницу в полтора года между нами, мы мало походили друг на друга даже внешне.

Если я был блондином, то Катя красовалась огненно-рыжей шевелюрой. Такие же зелёные глаза, как и у меня с матушкой, и россыпь веснушек на носу, которые сестра стара-

лась запудрить. Но на мой взгляд, только портила себе кожу.

— Приятного аппетита, дамы, — с улыбкой объявил я, прежде чем приступить к еде.

Гренки с зажаренными внутри яйцами, да посыпанные сверху стружкой сыра — то, что нужно с утра под чашку кофе. Здесь главное — правильно выдержать температуру, чтобы не возникло пережжённой корочки. И у нашего повара, Олега Петровича, это удавалось на славу.

Пока я уминал свой завтрак, матушка с Катей тихонько переговаривались, обсуждая планы на день. Это у меня выпускной в гимназии, сестрёнка уже почти полтора месяца на каникулах. А так как с шилом в заднице у неё было всё в порядке, контроль и присмотр за ней требовался нешуточный.

Девчонка в шестнадцать, с грудью второго размера, наивно хлопающая ресничками — потенциальная жертва любого лица мужского пола. Именно под таким предлогом на свои восемнадцать я выбрал себе в качестве подарка пистолет. Отгонять проходимцев от младшей сестры.

Так что матушка каждый день либо таскала Катю с собой, либо давала задания, чтобы загрузить мелкую. Естественно, с подругами младшая Корсакова встречалась чуть ли не каждый день — то в кино пойдут, то за покупками. Но её неизбежно сопровождала специально нанятая охранница.

— Ой, Вань, у тебя же сегодня вручение аттестата! — спохватилась Катя. — Вы уже определились, где будете гулять после этого?

Я посмотрел на неё крайне внимательным и подозрительным взглядом. Раз уж вопрос возник, можно смело утверждать, что мелкая нацелилась составить нам компанию. А я знаю своих одноклассников – там у многих после лишнего бокала шампанского проснётся желание совратить не по годам фигуристую красотку.

Так и вспомнился Смирнов, постоянно твердящий, что рыжие девушки – самый огонь в постели. Впрочем, как раз со стороны Андрея Васильевича сестре ничего не угрожает, так как Смирнов точно знает, что любое поползновение в сторону Екатерины Корсаковой окончится эректильной дисфункцией, наведённой магическим образом.

Мы же целители, что нам стоит парочку особых мест поправить в чужом организме?

— Вроде бы Расколов организовал ресторан, — припомнил я. — Но я пока не уверен, что пойду. А что?

Сестра посмотрела на меня, как на последнего идиота.

— Ты что, серьёзно?! — воскликнула Катя, вызвав неодобрительный взгляд матушки. — Последняя официальная встреча гимназистов, и ты на неё не пойдёшь?! Нет, ну я знала, что брат у меня отморозенный, но всему же должен быть предел.

— Екатерина! — рыкнула наша мать, и мелкая тут же захлопнула рот и потупила глазки.

Но показательного повышения голоса старшей Корсаковой хватило ненадолго. Уже упомянутое шило в заднице за-

ставило Екатерину Владимировну заёрзать на стуле.

— Но, мам, он действительно так всё пропустит! — собравшись с духом, заявила сестра. — Я-то думала, он там хотя бы Маргариту пригласит на танец. Она же об этом весь год мечтала!

Я хмыкнул, но вместо того, чтобы как-то комментировать заявление Кати, продолжил есть.

Маргарита Ивановна Ростова была подругой моей сестры. Хотя, разумеется, на самом деле просто хотела ко мне подобраться через младшую Корсакову. Так что Екатерина Владимировна сейчас отстаивала подругу сомнительного качества.

Я бы и сам был не против, откровенно говоря. Всё же молодой, здоровый лоб, и ничто человеческое мне не чуждо. Но тут в дело вступали сословные условности. Точно так же, как меня положение обязывает выглядеть с иголки, следить за словами и отвечать за собственные поступки, так и для девиц существуют свои правила. Махровое средневековье, к счастью, закончилось, но если ты испортишь такую девицу, будь готов либо сражаться с её роднёй, либо взять на себя ответственность.

Я же пока что жениться не спешу, а уж с Ростовыми и вообще родниться не горю желанием. В отличие от Корсаковых, занимающихся исцелением болезней и травм, семья Маргариты Ивановны промышляет кредитованием предприятий. Акулы бизнеса, не гнушающиеся рейдерскими захватами и

силовым выбиванием долгов. Не самое благородное занятие, и не просто так про Ростовых ходят слухи, что свои вопросы они решают взятками.

— Почему, выбирая между братом и твоей, с позволения сказать, подругой, ты встала не на сторону своей семьи? — спросила матушка. — Неужели благополучие собственного брата для тебя стоит меньше, чем мнение посторонней девицы?

Катя смущённо покраснела. Но никто её винить не стал — шестнадцать лет, какие тут мозги? Конечно, она не рассматривала вопрос с такой точки зрения, отсюда и это озарение, что она подставляет семью.

— Я... Не подумала, — выдохнула мелкая.

— В том-то и дело, Екатерина Владимировна, вы опять сперва сделали, а потом подумали, что именно, — строгим тоном заявила матушка. — Сегодня мы с тобой об этом поговорим обстоятельно.

Я отставил пустую тарелку и, поднявшись из-за стола, коротко кивнул обоим своим родственницам.

— Спасибо за завтрак, — с улыбкой произнёс я. — Мне пора на церемонию.

Покинув особняк, я кивнул охране на воротах и вышел через калитку. Времени у меня было полно, до гимназии идти недалеко, и хотелось пройтись, размять ноги. Машину вызвать можно всегда, а вот так побыть с собой наедине удаётся редко.

Солнце заливало город, лёгкий ветерок трепал зелёную травку, уже неоднократно срезанную и потому благоухающую соком. Поток машин на дороге был небольшим – всё-таки живём в районе для благородных семей, здесь редко случаются пробки.

Ноги несли меня по улице, и я старался ни о чём не думать. Будущее было определено, и уже завтра я смогу явиться на службу в госпиталь имени его превосходительства С. П. Боткина, где принимает пациентов матушка. Конечно, к серьёзным случаям меня сразу же со школьной скамьи никто не допустит, однако смогу набираться опыта под чутким руководством действительно умелых и уважаемых наставников.

Стоило об этом подумать, как я оказался перед воротами гимназии. За забором уже собирались наряженные девицы и молодые люди в строгих костюмах с гербами на лацканах пиджаков. Последний из школьных деньков, впереди взрослая жизнь. Так что громкие голоса были наполнены смехом и радостью.

Улыбнувшись, я прошёл в раскрытую калитку. Надеюсь, торжественная часть надолго не затянется.

Глава 2

Поскольку погода была хорошей, торжественное вручение аттестатов было решено проводить на улице. На специально возведённом помосте расположилась администрация гимназии в полном составе, не хватало только преподавателей младших классов, которым попросту некого было здесь поздравлять.

Для учащихся поставили несколько рядов стульев – было нас немного, всего восемьдесят шесть человек. Каждого ждала своя табличка – в алфавитном порядке от центра к краям. Так что выпускники гимназии быстро расселись в последний раз, как положено учащимся. Ведь уже завтра начнётся взрослая жизнь, и в ней нас распределять будут либо по должностям, либо по значимости титула, если он имеется.

— Корсаков, лицо попроще сделай, — склонившись к моему плечу, заявил блондин с голубыми глазами, хитро улыбаясь при этом.

— Калашников, — едва шевеля губами, произнёс я, — отстань.

— Ага, — отозвался тот. — Сразу, как ты разберёшься с Мироновым. Вон он сидит, глазками своими сверкает. Не простил тебе, как ты заставил его опозориться перед всем классом. Надеюсь, ты не решишься продолжать конфликт в ресторане?

Я бросил взгляд в сторону упомянутого. Тот сразу же отвёл глаза, старательно делая вид, будто моё существование не отравляет ему жизнь.

— Александр, ты всерьёз полагаешь, что он попробует отыгаться после того, как обмочился на глазах у всех? — уточнил я. — Мне казалось, его отец должен был вбить в голову сына правила хорошего тона.

Калашников усмехнулся — недостаточно громко, чтобы нас услышали, но так, чтобы чётко обозначить для меня собственную реакцию. На сцене как раз выступал заместитель директора по воспитательной работе. Длинная ежегодная речь Святослава Игоревича не менялась ни на йоту вот уже лет десять, так что все присутствующие знали её наизусть.

— Несомненно, вбил, — кивнув, подтвердил Калашников. — И именно поэтому у Миронова остаётся последний день, чтобы как следует тебе отомстить. Пока ты нигде не служишь, пока он ещё не перешёл в папино предприятие. Уже завтра это станет темой для обсуждения глав родов, но сегодня — сегодня мы все ещё дети.

Несмотря на то что все здесь присутствующие совершеннолетние. По этой же причине, кстати, организацией банкета официально занимался не сам Максим Расколов, наш одноклассник, а его матушка, владеющая сетью ресторанов в обеих столицах и во всех крупных городах западной части Российской империи. Гимназисту по закону не позволено иметь

дело с алкоголем, азартными играми и прочими «взрослыми» развлечениями благородного сословия.

— Ну, пусть попробует, — равнодушно пожал плечами я.
— Но на всякий случай, Александр, не откажешь в любезности побыть моим секундантом?

Калашников с довольной улыбкой кивнул. Он-то как раз этого и добивался.

Нельзя назвать нас друзьями, но Александр был одним из тех немногих, кто со мной общался достаточно часто. И причина для этого была весьма прозаична — потомок знаменитых оружейников был излишне воинственен, а я служил магнитом для притяжения ситуаций, где эту черту Калашников мог реализовать.

— Почту за честь, — ответил он, обозначив церемонный наклон головы.

В этот момент, наконец, замолчал Святослав Игоревич, и его место занял директор. Положив на трибуну длинный список выпускников, лысеющий мужчина шестидесяти трёх лет постучал по микрофону, как будто кто-то мог его отключить.

Директора у нас сменялись так часто, что после пятого я уже перестал запоминать, как их зовут. Тем более в нашей гимназии он почти не появлялся, вместо этого постоянно пропадая где-то в стенах Министерства просвещения.

— Господа, — хорошо поставленным голосом заговорил он, — я рад, что именно мне выпала честь вручить вам до-

кументы об окончании нашей славной гимназии. Ведь сегодня во взрослую жизнь вступают не просто выпускники, закончившие обязательную образовательную программу, одобренную Министерством просвещения Российской империи, но её будущие лучшие представители...

Дальше я уже не слушал — мне на колени упала скомканная записка. Даже не разворачивая, я прекрасно представлял, кто был её автором. Но не сорить же в парке гимназии? Убрал бумажку в карман и тут же услышал разочарованный вздох Ростовской, сидящей у нас с Калашниковым за спинами двумя рядами дальше.

— Даже не прочтёшь? — уточнил Александр.

— Зачем? — спросил я. — И так понятно, чего хочет Маргарита Ивановна.

Сосед усмехнулся.

— Значит, я могу объявлять результаты тотализатора, — как бы между прочим заявил он. — А то Смирнов у нас ставки принимал, будешь ли ты Ростову приглашать на танец, или ей ничего не светит.

Я улыбнулся.

— Разве это честно, Александр Николаевич? — всё так же изображая предельное внимание к происходящему на сцене, задал вопрос я. — Разве можно участвовать в тотализаторе, когда ты можешь напрямую меня спросить? Ай-яй-яй, как неподобающе.

— Да брось, Иван, — отмахнулся собеседник. — Я и по-

ставил-то всего лишь тысячу рублей. Знал же, что ты отмо-
роженный, и девицам нашим не светит не то что поцелуя, а
даже заинтересованного взгляда с твоей стороны.

Я усмехнулся, отметив, что сестрёнка точно так же меня
назвала. Впрочем, ни один джентльмен не хвалится своими
успехами. Зачем мне объяснять всем и каждому, что небла-
городные женщины ничуть не хуже, чем дворянки и аристо-
кратки?

— Тогда можешь сделать ставку ещё и на то, что меня
вообще не будет на праздновании, — по секрету шепнул я.

На лице Калашникова появилась хитрая улыбка. Алек-
сандр Николаевич определённо пожелал воспользоваться
моим советом. Впрочем, вряд ли у него примут ставку, когда
все видели, что мы здесь общаемся. Вот если бы мы всё об-
судили не при свидетелях, никто бы и не заподозрил ничего.

Директор, наконец, приступил к вызову выпускников,
следуя алфавитному списку. Мы с Калашниковым больше
ничего не говорили, молча дожидаясь своей очереди и хло-
пая каждый раз, когда очередной учащийся получал завет-
ную книжечку.

Наконец, дошла очередь до Александра. Поднявшись во
весь свой немаленький рост, он направился на помост, а
я приготовился быть следующим. Калашников добрался до
трибуны, торжественно пожал руку директору и, получив ат-
тестат, бодрым шагом направился обратно к стульям.

— Корсаков Иван Владимирович! — объявил директор,

и я поднялся со своего места.

Застегнув пуговицу на пиджаке, я прошагал вдоль ряда к центральному проходу. Уже давно не требовалось от выпускников гимназий маршировать, так что я просто двигался уверенным широким шагом, благо рост позволял — я лишь на пяток сантиметров ниже Калашникова.

С Александром мы разминулись на середине пути, и я поднялся по трём ступенькам. Вблизи от помоста шёл запах свежего распила. Учитывая отсутствие ветра и жаркое солнце, аромат не становился сильнее. И от него на моём лице сама по себе возникла улыбка, приятно всё-таки.

Пройдя последние метры, я пожал мягкую ладонь директора и, чуть кивнув, принял из его рук свою картонную книжку с золотым тиснением в виде герба Министерства просвещения Российской империи на обложке.

— Благодарю, господин директор, — отмечая краем сознания поднявшиеся аплодисменты, с улыбкой сказал я.

Он кивнул мне и тут же отвернулся, а я направился в обратный путь. Несмотря на то, что хотелось уйти прямо сейчас, выждать всё же было необходимо — приличия обязывают. Как и упоминал ранее, мне с теперь уже бывшими одноклассниками ещё всю жизнь в одном обществе крутиться.

Стоило мне сесть на свой стул, как Калашников протянул мне руку.

— Поздравляю, Иван Владимирович, — официально произнёс он, обращаясь ко мне, как и положено взрослому — не

просто по имени, но и отчеству.

— Взаимно, Александр Николаевич, — ответил я на рукопожатие.

До самого конца мероприятия больше ничего интересного не происходило, так что я потратил это время, чтобы подумать о важном: какие цветы выбрать для матушки в подарок. Так-то понятно, что памятную брошь по случаю своего выпуска из гимназии я давно заказал, и она лежит у меня в столе уже три месяца, но цветы всё же необходимы. И здесь нужно серьёзно обо всём подумать.

А потому, выйдя за ворота гимназии, я огляделся по сторонам, изучая наряды девиц. Мой интерес неизбежно должен был привлечь внимание. Они-то планировали изначально после торжественного вручения аттестатов махнуть в ресторан Расколова. Впрочем, существовал более верный способ решить проблему.

Достав телефон из кармана, я набил сестре сообщение.

Корсаков И. В.: *Привет, Кать. В каком сегодня платье пошла матушка?*

Это я здесь в гимназии страдаю, а сестра с матушкой на приёме, организованном графом Никитиным по тому же поводу. Только там всё происходит не в ресторане, а в фамильном особняке его сиятельства.

Корсакова Е. В.: *Тебя уже можно поздравлять?! Поздравляю, Ванюша! Ты теперь взрослый мужчина!*

Улыбка сама напозла на лицо, прежде чем я напомнил

о своём сообщении. Сестра, конечно, и так бы ответила, но хотелось решить вопрос поскорее. Сегодня не только у нас выпускной, цветы ведь могут и раскупить.

Корсакова Е. В.: *В чёрно-красном с розами.*

Ну что ж, это значительно упрощает дело. Уж красных роз можно найти в каком угодно магазине. Сложнее было бы подобрать нечто более редкое. А так мой подарок будет вручён вовремя.

Вбив в навигатор цветочный магазин, я нашёл ближайший с высокой оценкой, но направиться туда не успел. Мне на плечо самым наглым образом оказалась закинута тяжёлая мужская рука. В нос ударил аромат дерева, кожи и с нотками коньяка – парфюм Смирнова.

— Андрей Васильевич, — не оборачиваясь, начал было я, но оказался самым беспардонным образом перебит.

— Да брось, Иван Владимирович! — нахально заявил мой одноклассник. — Все идут к Расколову, один ты здесь стоишь, скучаешь! Давай вместе с нами, такое ведь событие происходит в жизни всего раз.

Я улыбнулся в ответ и всё же снял его руку со своего плеча. Не настолько мы дружны со Смирновым, чтобы позволять такое поведение. Мне вообще казалось, что после того, как он узнал, что у меня уже есть пистолет, стал меня бояться. Однако, похоже, Андрей Васильевич действительно чересчур возбудился в предвкушении праздника, раз ужас передо мной отступил на задний план.

— Спасибо за предложение, Андрей Васильевич, — ответил я. — Но у меня уже есть планы, и я не могу их отменить. К тому же не уверен, что моё скорбное лицо будет радовать наших теперь уже бывших одноклассников.

Смирнов глубоко вздохнул.

— Знаешь, Ваня, мы столько раз пытались впустить тебя в свою компанию, что, наверное, уже любой бы догадался об этом, — признался он. — Но ты, очевидно, не желаешь вливаться в наше общество. Ну, насильно мил не будешь. Бывай, Корсаков, удачи тебе в твоих делах.

Напустив на себя обиженный вид, Андрей Васильевич отвернулся от меня и тут же преувеличенно громко воскликнул:

— Маргарита! Тебя-то я как раз и искал.

Всё больше людей выходило из распахнутых ворот гимназии, так что Смирнов привлёк немало внимания. Однако Ростова лишь кивнула ему, бросив, что встретятся они в ресторане, после чего с самым решительным видом направилась ко мне.

Можно было притвориться, что я не заметил. Но бегать от девчонки? Это уже за гранью добра и зла.

— Иван, — обратилась она ко мне, — ты прочёл записку?

— Нет, Маргарита Ивановна, — не стал юлить я. — Но теперь вы можете сказать мне напрямую. Раз вы так решительно настроены поговорить...

Она сверкнула глазами, стараясь унять гнев. Конечно, не

самый лучший вариант – обозлённые женщины опасны. Но уж как-нибудь я справлюсь с яростью восемнадцатилетней девчонки.

Да, за ней стоит род Ростовых. Но конфликтовать ради третьей дочери никто не станет. При всех благоприятных раскладах ей не светит замужество с влиятельными семьями. Всего лишь по причине очерёдности – первым сёстрам достанутся женихи получше, а Маргарита Ивановна пойдёт к алтарю с тем, что останется.

— Я хотела уговорить тебя пойти с нами на праздник, — сообщила мне Ростова. — Но ты, похоже, совсем не собираешься туда идти. И я хочу спросить, Корсаков, почему?. Что во мне не так, что ты, весь такой загадочный и молчаливый, ни разу не посмотрел на меня теплее, чем на стенку? Видит Бог, я давала тебе уже столько шансов, что только слепой бы не заметил!..

На последней фразе она не сдержала голоса, и нас услышали остальные молодые люди, собравшиеся у ворот гимназии. Я поднял руку, ладонь окутало зелёное свечение.

— Спокойнее, Маргарита Ивановна, — вежливо проговорил я. — Моя сестрёнка считает вас своей подругой. И мне бы не хотелось рассказывать ей, что у вас случился нервный срыв в такой важный для любого гимназиста день.

Её лицо разгладилось, и девица кивнула.

— Я спокойна. Но почему вы считаете, что я не подруга для Екатерины?

Я улыбнулся и чуть наклонил голову.

— За этот год, что вы стали общаться, Маргарита Ивановна, был ли хоть один момент, когда вы помогли моей сестре? — задал вопрос я. — Или же всё было связано лишь с тем, чтобы через Екатерину добраться до меня? Это был великолепный план, Маргарита Ивановна, но вы верно подметили, как и отошедший от меня до вас Смирнов. Я не хочу вливаться в ваше общество. А теперь прошу меня извинить, мне действительно пора.

Глаза Ростовой удивлённо распахнулись, но спорить она не стала. Интересно ли мне было, что такого взбрело в голову Маргарите Ивановне, что мои слова оказались для неё откровением? Да несколько.

За годы обучения в гимназии я убедился, что нейтральное отношение — это максимум, который следует поддерживать со своими одноклассниками. Я ни с кем не конфликтую, и этого уже достаточно. Углубляться в отношения с детьми было бы слишком трудно — я и так столько лет бог знает каким образом продержался.

Оставив одноклассников дожидаться транспорт, который должен был прислать Расколов, я пошёл по тротуару в сторону цветочного. Промелькнувший на дороге микроавтобус с затемнёнными стёклами привлёк моё внимание резким ускорением, и я потянулся к пистолету в кобуре скрытого ношения.

Сложно сказать, не посмотрелся ли я фильмов, где вот так

же машина проносится по дороге, у неё из окна появляется ствол, а следом за ним – трупы. Однако лучше выглядеть нелепо, чем давать шанс неизвестным стрелять в детей. Они ведь даже не смогут защититься.

Заднее окно в автомобиле действительно опустилось, наружу показался автомат.

Моя рука, так и не успевшая дотянуться до оружия, вспыхнула фиолетовым пламенем.

Очередь застрекотала, высекая из бетонной части забора искры и осколки. Гурьба выпускников, только что радостно щебетавших девушек и улыбающихся парней превратилась в толпу.

Время словно замедлилось. Я ощутил, как бьются сердца моих бывших одноклассников, но к ним бежать было бессмысленно. Я целитель, а не боевик, у меня нет ни одного заклинания для создания щита.

В голову хлынула волна крови, сметая спокойствие, и я сложил пальцы в пылающий крюк. Мне не нужны жизни школьников. И стрелок тоже не столь важен, если его убрать, машина умчится дальше по улице. А значит, водитель...

Я его чувствовал, как будто залез под кожу. Видел кровеносную систему, нервную, мог рассмотреть каждое волокно мышц, вмешаться в работу мозга. Убить одним движением, превратив содержимое черепной коробки в фарш.

Но вместо этого я свёл судорогой его конечности.

Автомобиль резко дёрнулся, меняя траекторию движе-

ния. Калашников вскрикнул, выставляя вперёд руки, как будто готовился ловить пули. Полыхнувший золотым огнём щит прикрыл часть одноклассников, чтобы тут же отправить захваченные снаряды обратно под тем же углом.

Микроавтобус дёрнулся ещё раз, и в этот момент судорога прижала ногу водителя к педали акселератора. Машина разогналась до неприличия и врезалась в фонарный столб. Он остался стоять, равнодушный к таким объятиям, а вот стрелок выронил оружие.

Многочисленная охрана дворянских отпрысков только сейчас показалаась. Они выхватывали оружие и спешили к замершему автомобилю, чтобы достать и стрелка, и водителя. Но я на это внимания уже не обращал – дар давал знать, что оба там отделались лишь синяками и ушибами.

Мои ноги сами понесли меня к лежащим на тротуаре телам. Фиолетовый свет погас, вторая рука полыхнула зелёным огнём – куда более ярким, чем предыдущий, и я оказался на коленях перед Смирновым.

— Корсаков! — воскликнул Калашников, продолжающий держать зеркальный щит. — Что там?!

К нам добежала охрана, и на лицах этих замечательных людей был написан тот же вопрос. Но разглядывать их я не стал – дар жёг в груди, рвался наружу, требуя немедленного применения.

Целитель не может не пользоваться своим даром, иначе магия его покинет. И возможности разжечь её пламя заново

уже не будет никогда. Это и была причина, почему я не боюсь ничьей мести – мы слишком ценны, чтобы нам действительно угрожать.

Все хотят жить.

Андрей Васильевич дышал хрипло, зажимал рану на груди. Его рубашка уже покрывалась красным оттенком, но Смирнов смотрел на меня, забыв даже моргать.

— Не меня! — прошипел он, и на губах одноклассника выступил пена.

Вдалеке послышался вой полицейских сирен. Район для благородных, здесь группа быстрого реагирования действительно приезжает быстро.

Закончив осмотр раненого, я положил руку на его грудь, и мир перестал существовать. Меня словно перенесло внутрь организма Смирнова. Каждая клетка, каждый нерв – всё было мне подконтрольно, я почти что чувствовал себя всемогущим.

Но сейчас мне требовалось лишь ускорить процесс заживления. И выдавить наружу засевшую в лёгком пулю. Она разлетелась на осколки, повредив ткани. Не всякий хирург взялся бы достать все кусочки металла.

Но мне и не нужно, достаточно заставить тело действовать так, как задумано природой. Только в разы быстрее.

Смирнов застонал, убрал руку. Через плохо различимое отверстие в грудной клетке наружу вылезли обломки пули. Вместе с ними вытекала кровь и попавшая в рану грязь – ни

к чему оставлять даже малейший шанс на инфекцию.

Стянув напоследок края раны, я ударил Андрея Васильевича по руке.

— Свободен. Следующий, — произнёс я, поднимаясь на ноги.

Меня повело, и кто-то заботливо подхватил меня под руку. А я шагнул к следующей жертве. Моё магическое зрение ещё не выключилось, так что я прекрасно видел проблему, мог оценить и исцелить травму, но разобрать, кто именно передо мной – только пол. Про Смирнова-то понял, потому как видел до начала применения своего дара.

Опустившись перед девушкой с повреждённой в двух местах головой, я наложил руку на череп. Глаз в минус, но это ничего, его позднее вырастить можно, а вот трещина в височной кости и гематома мозга здесь ни к чему.

В этом случае уже требовалось работать куда тоньше. Если бы я просто вливал свою магию в тело одноклассницы, она бы получила заряд бодрости и чуточку ускоренную регенерацию. А мне нужно было сделать всё правильно.

И на то, чтобы исправить последствия сразу двух попаданий, у меня ушло несколько долгих и напряжённых минут. Я ещё никогда не работал с содержимым черепа, хотя теорию и знал. Но моя практика должна была начаться в клинике, под присмотром специалистов...

— Свободна, — произнёс я, попытавшись подняться на ноги.

Магическое зрение отступило, перед глазами всё плыло. Меня вновь подхватили под руку. На этот раз я точно знал, что это Калашников.

— Ты не сможешь, — услышал я его шёпот. — Уже на пределе. Что будешь делать, когда не сможешь помочь? Тебя обвинят в её смерти. Такого Ростовы не простят.

Объяснять я ничего не стал, просто переступил через уже выленную девицу и приблизился к своему главному испытанию. От лица девушки осталось одно месиво, но она всё ещё была жива, дышала. А в такт её сердцебиению у меня пульсировали обе ладони.

Одна для того, чтобы попытаться её спасти. Вторая – чтобы милосердно добить.

Мир вновь изменился, и я едва не упал на и без того пострадавшую Маргариту. А оказавшись разбитых на коленях, я даже сквозь зов дара почувствовал, как они болят. Я ещё успел подумать о том, что подарок для матушки, похоже, не куплю.

А потом отринул все мысли и взялся за работу.

— В мою смену не умирают.

Зелёное свечение вспыхнуло, ослепляя меня самого.

Глава 3

Я сидел на бордюре, держа в руках дымящуюся чашку с кофе. Щёку немного кололо шерстяным одеялом, которое на меня набросили медики. Чрезмерно сладкий напиток сводил язык, но организм и без всяких подсказок использовал полученные углеводы для восстановления. Сладкое после магического истощения – самый надёжный способ поправить здоровье.

И без того потратил слишком много, чтобы вытянуть Ростову, практически за пределы своих возможностей вышел. Подобное обращение с собственным даром редко проходит без последствий. Конечно, практика помогает так не делать, но если поступать аналогично постоянно, рано или поздно выгоришь ко всем чертям.

Беда ещё и в том, что целитель не может бросить нуждающегося в помощи. Раз проигнорируешь зов дара, другой – и твоя магия начнёт угасать. И тоже вплоть до полного исчезновения. Местные одарённые, лишившись этой своей особенности, бывает, и с ума сходят – не могут вынести такого резкого изменения качества жизни.

К счастью, я не из их числа.

Подняв взгляд, я посмотрел вслед медбратьям, аккуратно поднявшим Андрея Васильевича, чтобы уложить на носилки. От мигающих проблесковых маячков карет скорой по-

мощи резало глаза, так что я опустил веки, чтобы зрение не раздражало.

— Вы спасли им жизни, — произнёс мужчина за моей спиной, прежде чем сесть рядом.

Его тщательно выглаженные форменные брюки зашуршали, пока он пристраивался справа от меня. Мой нос уловил запах крепкого табака и грубой кожи — парфюм, чёткий аромат чернил от рук и оружейной смазки. Мужчина, усевшийся в нескольких сантиметрах от меня, был вооружён, но много времени проводил за канцелярским столом.

— Да, я молодец, — кивнул я, и только после этого открыл глаза, чтобы взглянуть, с кем говорю.

Седой немолодой мужчина лет сорока пяти с пронзительно синими глазами смотрел на меня с отеческой улыбкой. Униформа жандармерии со знаками различия старшего офицера, стоячий воротничок выдавал хозяина — он явно давно на смене и не переодевался.

— Родионов Платон Демьянович, — вынув из внутреннего кармана удостоверение, представился он.

Мазнув взглядом по корочке, я кивнул.

— Меня вы знаете, ваше высокоблагородие. Чем могу быть полезен?

Родионов не стал ходить вокруг да около, сразу кивком указал в сторону уже вскрытого спасателями микроавтобуса. Обоих нападавших оттуда увезли, предварительно заковав в наручники и раздев едва ли не до белья в поисках скрытого

оружия. Во всяком случае, в рот им точно заглядывали на случай спрятанных капсул с ядом.

— Расскажите, как всё было, — озвучил Платон Демьянович, после чего поспешил добавить: — Если, разумеется, вы готовы обсуждать случившееся.

Улыбнувшись, я сделал очередной глоток переслащённого кофе и последовательно рассказал всё как было. Скрывать мне ничего не требовалось, так что разговор занял не так много времени. Однако внимательно слушавший меня старший офицер, похоже, был не удовлетворён.

— И вы не можете сказать, кто был главной целью нападавших? — уточнил он.

Мне оставалось только плечами пожать.

— Судя по тяжести травм, больше всех досталось Ростовой Маргарите Ивановне, — пояснил я. — Но утверждать, что именно она была главной целью — глупо. Там стояло больше десятка людей, стрелок не выбирал — под удар мог попасть кто угодно. И даже могло случиться так, что настоящая цель вовсе не пострадает. Это же глупая попытка запугивания, а не реальное покушение.

Будь мой собеседник псом, он бы сейчас сделал стойку.

— Вот как? С чего такие выводы, Иван Владимирович?

Я поставил стаканчик на тротуар рядом с собой, прежде чем ответить.

— Потому что для того, чтобы действительно убить цель, нужно было не организовывать машину и стрелка с автома-

том, — заговорил я. — Хотите скрыть следы, чтобы к вам ничего не вело? Дождитесь приёма, на котором появится цель, отравите её бокал. Пока все будут носиться с обвинениями хозяина, допрашивать его прислугу, задача будет выполнена, а бокал может затеряться среди других таких же.

Родионов хмыкнул.

— Или же, если требуется непременно жёсткая, демонстративная ликвидация — снайпер, — я указал в сторону ближайшей высотки. — Отсюда до здания около километра. Для профессионального стрелка это проще, чем высморкаться. Одеваем его в курьера, даём ключи от технического выхода на крышу. Пока вычисляют, откуда стреляли, снайпер все следы аккуратно тряпочкой протрёт и скроется. И это я вот прямо сейчас, буквально на ходу придумал, а мы ведь не учимся таких вещей, как магия.

Некоторое время мы молчали, я вновь вернулся к своему кофе. Вокруг продолжали работать полицейские и медики. Прибывшие эксперты криминалистики заканчивали собирать улики и делать фотографии.

Наконец, появилась машина с гербом Корсаковых на капоте и передних дверях. А следом за ней показались и другие благородные семьи. Учитывая, что родители собирались у графа Никитина, даже быстро успели, не иначе гнали, наплевав на ограничение скорости.

Из нашего автомобиля вышла матушка. Она нашла меня взглядом, и её лицо перестало походить на бледную маску,

щёки чуть порозовели, не делая Анастасию Александровну напоминающей ходячего мертвеца.

Решительно стуча каблуками, она подошла к нам, и мой собеседник тут же поднялся.

— Ваша милость... — чуть наклонив голову, заговорил он, но оказался перебит.

— Почему моего сына допрашивает жандармерия, господин старший офицер? — приподняв бровь, требовательным тоном уточнила она. — У вас есть какие-то претензии?

Именно таким образом она командовала пациентами и подчинёнными на службе. Но и Родионов не мальчик с улицы. Так что тон матушки Платона Демьяновича ничуть не смутил.

— Никаких претензий, ваша милость, — ответил он. — Иван Владимирович спас жизни трёх благородных господ. Я всего лишь уточнял у него, что здесь произошло. Это обычная практика, Анастасия Александровна.

Ничего более уточнять матушка не стала. Она прекрасно осознавала: как только я получил на руки аттестат, я стал полностью совершеннолетним по законам Российской империи. А значит, и опекун на беседах с представителями силовых структур мне не требуется. Я теперь сам за себя говорю. Разумеется, глава рода Корсаковых может опротестовать этот факт, но так на самом деле стараются не делать без нужды. Что это за взрослый такой, который прячется под маминной юбкой в восемнадцать лет?

— Мы как раз закончили, Анастасия Александровна, — завершил свою речь жандарм. — Иван Владимирович, если вдруг вспомните что-то ещё, звоните.

Выудив визитку, он вручил её мне, после чего с поклоном двинулся дальше. Я же поднялся на ноги и улыбнулся матери.

— Поехали домой, Ваня, — с явным облегчением выдохнула она, но внешне старалась оставаться собранной и непоколебимой.

— Конечно, — не стал отпираться я. — Заодно по пути расскажу, как и что лечил. А ты мне расскажешь, как нужно было делать на самом деле.

Отдав кружку и плед ближайшему государственному служащему, я направился к семейному автомобилю.

Я ничуть не кривил душой: мне действительно следовало послушать, как бы поступила на моём месте Корсакова Анастасия Александровна. Ведь в отличие от меня целитель с её опытом справился бы за пару секунд, приложив минимум усилий.

* * *

Перепугавшаяся за меня и подругу Катя всё-таки ушла спать, а мы с матушкой засели в кабинете. Анастасия Александровна выставила на стол пару чашек чая и тарелку с медовыми конфетами, после чего устало опустилась в кресло за своим рабочим столом.

Взявшись за чашку обеими руками, она молчала, грея ла-

дони, не спеша начинать разговор. Отчёт о своих действиях я матушке уже предоставил, как и полагается – будто официальную бумагу заполнял, так что вся картина была ей теперь доступна.

Пока успокаивали сестру, говорить о важном было невозможно, а теперь выдалось время.

— Меня радует, что ты настолько силён стал, сынок, — заговорила матушка. — Ещё полгода назад ты бы не вытянул всех троих. Я тобой горжусь, прогрессируешь ты на зависть многим. У нас, наверное, таким только прадедуська мог похвастаться.

Я кивнул, уже не первый раз мои успехи в обучении приписываются дальнему предку. Филипп Аристархович Корсаков был целителем от бога и едва ли не мёртвых оживлять мог. И силу он свою проявил чуть не с пелёнок. В общем, все странности моего обучения сводились к одной теории – наследственность.

Я же, поняв, что в этом мире есть магия, усердно трудился день и ночь, исцеляя всех подряд, только делал это незаметно. А когда не было пациентов, приходилось на самом себе нарабатывать практику. И в отличие от матушки собственными результатами я был не удовлетворён.

Я знал, что пока ты спишь, драугр качается. Так что жилы рвал, чтобы достичь сегодняшнего результата. И тот факт, что я всё-таки спас сегодня три жизни, меня радовал. Но не впечатлял. Было бы полным позором после стольких усилий

провалиться.

— Однако ты очень рисковал, Ваня, — после паузы продолжила речь матушка. — Не нужно было исправлять Ростову до идеала. Достаточно было просто остановиться на моменте, когда она больше не умирала. Поверь моему опыту, порой даже крошка силы может оказаться решающей, а ты выкачал из себя всё, что у тебя было. И ради чего? Чтобы у девицы была красивая мордашка. А если бы нападающие ранили больше людей?

— Я сделал что мог, матушка, — разведя руками, ответил я.

Говорить о том, что прекрасно чувствовал, что больше никому помощь не требуется, не стал. Анастасия Александровна Корсакова – не тот человек, который полагается на ощущения. У неё обширный опыт действующего целителя и чин соответствующий не за красивые глаза.

Однако она упускает один маленький факт. Это ей может в любой момент потребоваться вытаскивать с того света очередного пациента. В моём же случае вообще никто не был вправе требовать помощи – я ведь пока что не на службе, и в теории вообще ничего знать об исцелении не должен. Да, я могу помочь по своей инициативе, но это не значит, что такое положение дел обыкновенное.

— А вот Инне Никитиной глаз восстанавливать не стал, — покачала головой она. — Я завтра свяжусь с графом, и мы вместе с тобой съездим. Ты будешь заниматься регенераци-

ей, доделаешь то, что бросил на полпути. А я буду рядом и прослежу, чтобы ты ничего не забыл. А то если созданный тобой глаз видеть не будет — это будет провал.

— Хорошо, — легко согласился я. — Тем более что его сиятельство наверняка будет очень рад тебя видеть. И знать, что именно ты стала причиной, по которой у Инны появится здоровый орган зрения, ему будет крайне приятно.

На лице матушки возникла улыбка.

— Эх, Ваня, — вздохнула она и, дотянувшись через стол, потрепала меня по волосам. — Вот вроде бы ты ведёшь себя, как взрослый, уже даже аттестат получил. Но порой отличить тебя от других сверстников невозможно. Откуда у вас с Екатериной тяга выдать меня замуж за графа?

Я развёл руками.

— Просто мы тебя любим, мам, — честно ответил я. — И мы хотим, чтобы ты была счастлива.

Вновь улыбнувшись, она кивнула мне на дверь.

— Я тоже вас люблю, Ваня, — сказала она, а когда я уже оказался у выхода из кабинета, добавила: — И я очень горжусь тобой, сынок.

* * *

Москва, дворянский особняк Ростовых, кабинет главы рода.

Импозантный мужчина шестидесяти пяти лет с заплетёнными в длинную косичку седыми волосами стоял у окна, слушая доклад своего начальника безопасности. На лице хо-

зьяина кабинета и главы богатого рода не отражалась ни одна эмоция, а серые глаза обшаривали вид за окном, перескакивая с дерева на дерево.

В кресле, помимо подчинённого, находился ещё один мужчина, более молодая копия главы рода. В отличие от отца наследник ещё только перевалил за тридцать семь, и его головы не тронула седина. Но фамильные глаза были такими же спокойными. В руке Ивана Кирилловича тлела зажжённая сигара, распространяя дым по комнате, но к ней отец Маргариты не прикасался губами, оставив в руке, будто забыл о том, что вообще собирался курить.

— Правильно ли я тебя понял, Семён, — когда начальник безопасности закончил доклад, заговорил Кирилл Дмитриевич Ростов, — что сегодняшнее нападение – дело рук Шепелева?

— Всё верно, ваше высокопревосходительство, — отозвался тот. — Мой человек опознал одного из исполнителей. В полиции о нём не знают пока что, но я готов в любой момент передать собранное на него досье. Шепелев регулярно пользовался услугами этого человека, а когда тот не был задействован, к специалисту приезжал слуга Шепелева, чтобы передать деньги. Исходя из этой информации, стрелок получает их в качестве ежемесячного жалованья.

Глава рода хмыкнул и спокойно уселся в своё кресло за массивным столом. Сложив пальцы в замок, Кирилл Дмитриевич покосился на сына с неодобрением.

— Потуши это дерьмо, Иван, — непрерываемым тоном потребовал он, и сын, словно опомнившись, принялся тыкать сигарой в пепельницу. — И чтобы это был последний раз, когда я вижу тебя с куревом.

— Как тут можно удержаться?! — подавляя рвущийся наружу гнев, возразил наследник. — Эта тварь напала на мою дочь!..

Кирилл Дмитриевич в ответ криво усмехнулся, после чего повернулся к начальнику безопасности.

— Значит так, Семён, — продолжил отдавать приказы он, — пострадала не только Маргарита. Предоставь мне все данные на стрелка, я сделаю пару звонков. Шепелева убирать в одиночку сложно, но если нас будет много, даже государыня не сможет возразить.

Подчинённый коротко поклонился и положил на стол принесённую с собой папку.

— Мне готовить штурмовой отряд, ваше высокопревосходительство? — уточнил он.

Глава рода Ростовых покачал головой.

— Сперва – переговоры с Никитиным. Он старик упёртый, как бы ни вышло, что он уже всё раскопал и прямо сейчас сажает Шепелева на кол за свою внучку. Вот, кстати, как так получилось, что для всех пострадавших нападение обошлось без последствий?

— С вашего позволения, ваше высокопревосходительство, но внучка Никитина как раз пострадала серьёзно, —

возразил начальник безопасности. — Лишилась глаза. Её, конечно, проведут через регенерацию, но сами понимаете, как это выглядит. А что касательно травм, то здесь поучаствовали двое. Калашников, который воздвиг зеркальный щит, и тем самым серьёзно снизил последствия для гимназистов. А лечил непосредственно Корсаков. Он же, кстати, и нейтрализовал водителя, вызвав у того судороги. В процессе лечения Маргариты Ивановны целитель выложился до предела и, если верить отчёту медиков, вступил на самую грань выгорания. Но всё одно её благородие вытянул идеально. У неё даже того шрама на бедре не осталось, от которого она с детства мечтала избавиться.

Глаза наследника рода чуть расширились.

— Наша Маргарита за ним бегала, — сообщил отцу новость он.

— За Калашниковым? — уточнил Кирилл Дмитриевич.

— Да нет, за Корсаковым, — махнул рукой Иван Кириллович. — Даже подружилась с его сестрой, чтобы подобраться ближе. Но Корсаков её игнорировал всё время, а перед самым нападением ещё и отшил прилюдно.

Глава рода хмыкнул, на его губах появилась довольная улыбка.

— Корсаков, значит, — шёпотом произнёс он. — Что ж, когда Ритка очнётся, сообщи ей обязательно, кто стал её рыцарем в сияющем доспехе. Посмотри на реакцию. Если она после такого захочет продолжать бегать за целителем, наме-

ни, что я одобряю их пару.

— Мы же почти договорились с...

Кирилл Дмитриевич жёстко взглянул на него, и наследник тут же замолк.

— Забудь об этом, всё. Лучше вспомни о том, что глава рода Корсаковых – Анастасия Александровна, и мужа у неё нет. А у тебя нет жены. Дальше мне надо прямым текстом говорить, или ты сам догадаешься, что обязан выяснить, какие цветы она любит, взять большой букет и явиться в гости с благодарностью за то, что воспитала такого героического сына, который под пулями готов себя всего сжечь, лишь бы твоей дочурке помочь. Всё, идите оба, мне нужно сделать пару звонков.

Глава 4

Москва. Корсаков Иван Владимирович.

Традиционный семейный завтрак в кои-то веки начался без опозданий. Притихшая сестрёнка сидела за столом и чинно поедала овсяную кашу с дроблёными орехами и кусочками фруктов. Всем своим видом Екатерина Владимировна выражала несогласие со вчерашним происшествием, как будто я намеренно организовал нападение, перестрелку, а потом ещё и травмы её подруге.

— Я созвонилась с Владиславом Васильевичем, — промокнув кончики губ, сообщила Анастасия Александровна. — Он будет ждать нас сегодня в десять часов. Так что, Иван, будь готов и, пожалуйста, постарайся не смотреть на окружающих так, как ты обычно смотришь.

Я приподнял бровь, а младшая Корсакова совсем некультурно фыркнула.

— А как я смотрю? — решил всё же уточнить я и не глядя протянул сестре салфетку.

Катя взяла её и поспешно вытерла губы.

— Как будто вокруг тебя одни умственно неполноценные, — с самым невозмутимым видом пояснила матушка. — Глава рода Никитиных будет счастлив, если мы окажем его роду услугу по регенерации глаза внуки. У нас хорошие отношения с этой семьёй, не стоит их портить.

Я замедленно кивнул, не видя смысла спорить.

Чисто технически я уже сам могу возглавить Корсаковых, но для этого матушка должна либо перейти в другой род через замужество, либо умереть. Второго, естественно, я допускать не собираюсь и непременно найду способ сделать так, чтобы Анастасия Александровна жила как можно дольше и была при этом в максимально идеальном состоянии здоровья. Да и главенство это мне не нужно.

Но хочется для матушки всё же простого женского счастья. Она, как никто другой, заслужила его. И если для того, чтобы она всё-таки решилась ответить на осторожные ухаживания Виталия Владиславовича Никитина, требуется улыбаться – я буду это делать. Матушка многое нам дала, а я не скотина, чтобы платить за добро чёрной неблагодарностью.

— Мне будет несложно, — подтвердил я. — Надеюсь, мы потом успеем заехать в приёмную директора клиники?

Матушка хмыкнула.

— Ты всё-таки хочешь поступить на службу именно ко мне? — уточнила она.

— Не столько к тебе, сколько туда, где у меня будет практика, — пожал плечами я. — Так что мне сгодится любой наставник. Тем более вряд ли тебе позволят тратить время на сына, когда у тебя там десятки интернов неударённых.

— Тридцать шесть интернов, Ваня, — с печальным вздохом поправила Катя. — И тридцать из них – несносные маль-

чишки, которые вместо того чтобы практиковаться, бегают за моей юбкой.

— Вот как? — ломая кусок хлеба в руках, переспросил я.

— Почему я об этом узнаю только сейчас?

Видимо, все мои эмоции оказались легко понятны. Сестра усмехнулась, а вот матушка погрозила мне пальцем.

— Даже не вздумай, Ваня. Мои интерны, значит, только я и могу ими руководить и поощрять их или наказывать, — заявила она, после чего перевела недовольный взгляд на дочь. — А Катенька у нас выросла, а выдумывать так и не перестала.

Младшая Корсакова отвела взгляд, но улыбку прятать даже не подумала. Впрочем, матушка посмотрела на неё ещё пару секунд, прежде чем вернуть внимание мне.

— Сегодня заедем в госпиталь, — подтвердила Анастасия Александровна. — Там у тебя будет собеседование, и меня на нём не будет.

Было бы странно, если бы мать допустили до предварительного экзамена. В комиссии наверняка будут её противники, которых всегда хватает. Либо коллеги, которые завидуют, либо конкуренты из других родов, которым хочется и чин повыше, и в кресле матушки они себя видят. В любом случае принимать решение о моём поступлении на службу будет делом не таким уж быстрым.

Всё-таки речь идёт о здоровье пациентов, допускать к такому важному делу слабосилков никто не станет. Потому как

если я буду совершать ошибки, отвечать за них придётся тем докторам, которые будут старшими надо мной.

— Хорошо, тогда пойду собираться, — отставив пустую чашку кофе, кивнул я.

Поднявшись из-за стола, я покинул столовую и быстро поднялся в свою комнату. Всё необходимое для визита в госпиталь, у меня было давно подготовлено, а вчера я добавил к документам аттестат из гимназии. Теперь можно просто прихватить папку и хоть сейчас на собеседование.

Однако визит к графу, пусть он и официальный, всё-таки это фактически вызов целителей на дом, налагает особые обстоятельства. Мне нужно одеться подобающим образом.

Переодевшись в подходящий случаю костюм, я открыл ящик стола. Вчера я так и не успел сделать матери подарок, а сегодня уже и время не подходящее. Как и всякой женщине, Анастасии Александровне потребуется собраться – она ведь не может на официальный визит к графу заглянуть в рабочей униформе.

Потому что приглашённый целитель в этот раз – я.

Закрыв ящик, я вытащил из кармана завибрировавший телефон.

Смирнов А.В.: *Доброе утро, Иван Владимирович!*

Какое официальное начало довольно длинного письма. Уже по нему одному ясно, что это не простая переписка с бывшим одноклассником.

Во-первых, позвольте поблагодарить вас за оказанную

вами своевременную и исчерпывающую поддержку во вчерашнем инциденте. Во-вторых, глава рода Смирновых приглашает вас и Анастасию Александровну на чаепитие в любое удобное для вас время.

С глубочайшим уважением, Андрей Васильевич Смирнов.

Хмыкнув, я не стал пока что ничего отвечать. Тут нужно с матушкой посоветоваться, но понятно, что заявленное чаепитие – это либо обсуждение, каким образом семья моего одноклассника может отплатить за спасение его жизни, либо встреча для передачи какого-то официального заявления. Например, о том, что Корсаковых приглашают выступить в Суде Равных в качестве свидетелей.

Так что, скорее всего, в ближайшее время что-то подобное скажет и глава рода Никитиных, и Ростовы. Последние, вероятнее всего, уже землю роют в поисках организатора нападения. И найдут наверняка, ведь их суперсила в первую очередь – это деньги.

Списать часть долга за то, что кто-то из полицейского ведомства отвернётся в нужный момент, позволив заглянуть в официальный отчёт. Нанять исполнителя, который проберётся в особняк виновника и установит там прослушку. Заплатить могильщикам, чтобы они выкопали гроб с трупом врага и посадить мёртвое тело на кол перед воротами его особняка – чтобы родня тряслась и боялась смотреть в сторону Ростовых.

Репутация у деда Маргариты Ивановны впечатляющая. В

моём прошлом мире в пресловутых девяностых он бы был самым жирным пауком в банке. Кирилл Дмитриевич прославился тем, что расправляется с должниками жёстко и быстро. И тогда речь шла всего лишь и о финансовом ущербе, а здесь уже дело в нападении на члена семьи. Такое не прощается.

— Ваня, ты готов? — постучавшись в дверь, спросила матушка.

— Да, иду, — ответил я, прежде чем двинуться на выход. Глава рода Корсаковых надела закрытое чёрное платье, украшенное белым жемчугом. Волосы были уложены во французскую косу, самая малость косметики — подчеркнуть и без того притягательные глаза.

Она внимательно прошлась взглядом по моему костюму, выискивая малейший намёк на неподобающий вид. Однако зацепиться было не за что, правильно носить такую одежду я ещё в прошлой жизни научился и в этой навывок очень быстро восстановил.

— Поехали, не стоит заставлять пациентку ждать, — протянула мне локоть она.

Взяв её под руку, я довёл матушку до ожидающей нас машины с гербами Корсаковых. Водитель, расслабленно стоящий перед нашим появлением у капота, распахнул дверь, вовремя отступая в сторонку, чтобы мне было удобно посадить главу рода со всем положенным почтением. И только после этого я занял место на соседнем сидении.

Мы отъехали от особняка метров на триста, прежде чем Анастасия Александровна начала свой опрос.

— Расскажи, как будешь восстанавливать глаз, — строгим тоном велела старшая Корсакова.

Причина для вопроса была ясна, как день. Я ещё никогда ничего подобного не делал, а матушка уже изъявила желание помочь Никитиным. В меня она, как и всякая мать, верила, но желала убедиться. Если я сейчас завалюсь, лечить будет она, а я только смотреть со стороны.

Граф далеко не последний человек в Российской империи. Обидеть его или тем более навредить его внучке — это нужно совсем быть на всю голову отмороженным. Ни лично мне, ни роду Корсаковых это ни к чему.

— Сперва определяю, что осталось от оригинального органа, — начал неторопливо проговаривать я. — В зависимости от текущего состояния есть три методики регенерации.

Матушка с довольным видом кивнула.

— Хорошо, дальше.

— Если глазное яблоко полностью уничтожено, — продолжил говорить я, — то придётся обратиться к целому органу. Просканировать его чарами, скопировать строение, затем пересчитать поправки и задать организму программу восстановления глаза по этим расчётам. При таком варианте вероятность положительного исхода свыше девяноста процентов. И ещё пять учитывают ошибку в расчётах, после которой новый орган будет иметь дефект, например, астигма-

тизм.

Машина плавно проехала по лежащему полицейскому, но нас лишь слегка качнуло. Подобные препятствия для хорошего автомобиля практически не чувствуются. Мы, конечно, не Ростовы, но тоже не бедствуем, Корсаковы – дворянский род среднего достатка. Так что автомобили у нас хорошие.

— Второй вариант – от глаза осталось меньше пятидесяти процентов, — продолжил рассказ я. — В этом случае всё, что требуется, придать организму усилие для полного восстановления в соответствии с эталоном. Вероятность полной регенерации при этом равна всё тем же девяноста пяти процентам.

Матушка вновь наклонила голову, демонстрируя, что мой ответ принят. Сама она при этом на меня не смотрела, её взгляд был устремлён строго вперёд. Впрочем, в данный момент следить за мной ей совершенно не требовалось, слушать она может, даже занимаясь своими делами.

— Последний и самый невероятный в нашем случае вариант, когда глаз кажется целым, но при этом в нём имеются дефекты, полученные в результате травмы, — перешёл к последнему пункту я. — В таком случае необходимо свериться со здоровым органом и по его эталону восстанавливать внутреннее строение повреждённого глаза.

Я замолчал, и Анастасия Александровна повернулась ко мне.

— Ты верно всё сказал, Иван, — заговорила она. — Но я

хочу услышать, как именно ты будешь устранять дефекты.

Я пожал плечами и, положив руку на дверь, ответил:

— Во всех этих случаях коррекция проводится на месте по обстоятельствам, — сказал я. — Но если говорить в общих чертах, то за основу берётся оригинальный глаз, и по нему, как по эталону, выстраивается правильная структура нового органа. Отличие для всех вариантов лишь в том, как много работы придётся провести и насколько глубоко погрузиться, чтобы исправить дефекты.

Матушка совершенно спокойно кивнула.

— Что ж, вижу, теорию ты понимаешь, — произнесла она. — Но ответь мне, Иван, сколько сил требуется для того, чтобы регенерировать глаз Инны Витальевны? Учти, что у тебя после этого будет обязательная комиссия, а значит, тебе нужно затратить минимум сил, чтобы не свалиться на испытании, которое тебе устроят в госпитале.

Вздохнув, я склонил голову.

— Всё будет зависеть от того, насколько повреждён глаз, — сказал я. — Но я полагаю, что мне хватит получаса, чтобы не слишком потратиться, и при этом всё сделать как положено. И это я учитываю, что часть сил успеет восстановиться, когда мы перейдём от лечения к чаепитию. Или нас угостят обедом?

О времени я говорил неспроста.

Одарённый, если он не как я поступает, а понемногу тратит свои силы, может полностью восстановить свой резерв

за час. Процесс идёт постоянно – тело мага впитывает силу из окружающего мира, она для всех одинакова, и не зависит от физического местонахождения чародея. Вот если ты, как я припадении, полностью выжал себя досуха, там уже начинаются трудности.

Так что полчаса – это я с лихвой хватил, как раз потому, что требуется предельная аккуратность. И дело не в том, что Инна может пожаловаться – она ничего не почувствует, так как правильно исцеление в подобных случаях начинается с анестезии. Дело в том, что за ошибку меня накажет мой личный экзаменатор.

Глава рода Корсаковых улыбнулась куда мягче, чем прежде. Вообще, эти переходы от опытного целителя, направляющего глупых юнцов, к заботливой любящей матери она проводила по несколько раз на день. Так что я давно привык отличать, в какой ипостаси передо мной Анастасия Александровна, и вести себя с ней соответственно.

— Что ж, посмотрим, как ты справишься, Ваня, — проговорила матушка. — Но не забывай, пожалуйста, что именно это – твой экзамен. Я уже неоднократно предупреждала тебя, что не стоит спешить поступать на службу. У тебя есть ещё три года, прежде чем тебе придётся куда-то пристраиваться. И совсем не обязательно это должна быть служба по магическому профилю. В госпитале тебе позволят набраться опыта, но это не единственный твой вариант. Поэтому, если ты действительно хочешь, чтобы я допустила тебя до комиссии, ты

должен сделать всё идеально сразу. Пациентка твоя всё равно ничего не узнает, даже если я вмешаюсь, и об этом ты можешь не переживать. Однако сейчас у тебя есть возможность получить опыт, проверить себя в настоящем испытании. И я настоятельно советую тебе им воспользоваться. Потому что, если вдруг тебе придётся лечить кого-то в госпитале, и ты ошибёшься в реальной обстановке, возможно, твой пациент умрёт.

Тоже правда, не так уж сложно с помощью нашей магии убить – хоть преднамеренно, хоть по неосторожности. Организм человеческий – очень сложный механизм, который крайне легко вывести из строя неточным или неправильным воздействием.

И это – одна из причин, почему целители обязаны проходить куда более жёсткую подготовку, чем обыкновенные врачи и доктора. Мы не учимся анатомии, мы видим человека насквозь сразу, не предполагаем проблему, а точно определяем её. Но всё это приходит с опытом, и потому нужен наставник, который проследит, чтобы ты не убил никого. Неодарённым именно работать в этом аспекте гораздо проще. Терапевт или уролог вряд ли убьёт кого-то по причине невнимательности на осмотре, а вот целитель – запросто.

— Хорошо, матушка, я потрачу столько времени, сколько мне реально понадобится, — не стал спорить я. — Кстати, нужно будет у самой Инны спросить, вдруг она захочет устроить себе гетерохромию.

Анастасия Александровна покосилась на меня с осуждением во взгляде.

— Никаких экспериментов, Ваня, — строгим тоном велела она. — Всё, что Инна пожелает сделать с собой — только после того, как ты закончишь восстанавливать её зрение. Тогда ты уже не будешь отвечать за её здоровье и дефекты. А если оттенок будет отличаться — какое же это качественное исцеление? Всё равно что лишние пальцы вырастить.

— Разумеется, матушка, — кивнул я. — Хотя попробовать, конечно, было бы интересно.

Была у меня идея, как заработать и славы, и влияния. В этом мире пока что не существовало эстетической медицины в том виде, в каком она была доступна в моей прошлой жизни. Благородным фамилиям вмешательство целителей для подобных вещей не требовалось — у нас ценится именно природная, естественная красота, которая сразу же демонстрирует поколения благородных предков. А для простых жителей Российской империи подобные процедуры были бы не по карману.

Однако убрать жир с боков, подтянуть подбородок — почему бы и нет? Хирургическое вмешательство в этом вопросе будет неприемлемо для дворянства и считается обманом окружающих. А если ты похудел или мышцы накачал — так всегда можно сказать, что это у тебя от природы или личный тренер помог.

И скажите, кто откажется от такой возможности? Главное

ведь, чтобы проводший процедуру целитель молчал. Ну а это обеспечивается простой клятвой даром, какую может принести любой одарённый. Сама магия не даст нарушить подобный обет.

Но такой амбициозный проект требует известности и подтверждённого мастерства. А у меня ни того ни другого пока что не имеется. В лучшем случае, возможно, лет через десять, я и наберусь кое-какого опыта.

— Приехали, ваша милость, — сообщил водитель, останавливая машину перед воротами особняка графов Никитиных.

Створки разъехались, впуская нас внутрь, и автомобиль быстро прокатился по подъездной дорожке к высокому крыльцу. По ступенькам уже спускался лично хозяин дома, глава рода Никитиных.

Владислав Васильевич был человеком уже очень пожилым. Девяноста два года, за которые он успел очень многое. Но до сих пор время было над ним не властно, спина графа оставалась прямой, ходил он без трости, в отличие от многих стариков гораздо моложе Никитина. А цепкий взгляд сразу же прошёлся по нам с матушкой.

Я до сих пор ни разу не встречался именно с самим главой рода, всё время видел лишь его сына — отца Инны. Так что ничего удивительного не было в том, как диалог повернулся дальше.

— Анастасия Александровна, — мягким голосом произ-

нёс его сиятельство, — я счастлив видеть вас у нас дома.

— Благодарю, Владислав Васильевич, — с положенным этикетом реверансом ответила матушка. — Позвольте представить вам моего сына, Корсакова Ивана Владимировича.

Граф перевёл взгляд на меня и протянул ладонь, на пальце блеснул перстень главы дома.

Я пожал его руку.

— Для меня честь познакомиться с вами, ваше сиятельство.

Он вежливо улыбнулся в ответ и убрал руку, как только это стало возможно по этикету. Я же ничем не показал, что мне стало известно о его состоянии здоровья. Граф был стар, очень стар, и несмотря на то что снаружи он ничем этого не выдавал, выглядя лет на шестьдесят, внутри он уже был почти мёртв.

Полгода максимум, и его сын станет главой рода. Если, конечно, остальная родня не успеет перехватить контроль над графским наследством.

— Взаимно, Иван Владимирович, — заверил граф Никитин. — Ваша матушка сказала, что именно вы будете восстанавливать глаза моей внучке.

— Именно так, Владислав Васильевич, — подтвердил я.

— Что ж, вы уже доказали, что вы — человек дела, — произнёс он. — И я могу доверить вам безопасность Инны Витальевны. Прошу вас следовать за мной.

Глава 5

Изнутри особняк Никитиных я уже видел неоднократно — всё же не впервой в гостях оказались. Но глава рода повёл нас не в привычные помещения, куда допускались посторонние, а во внутренние комнаты.

Слуги, попадающиеся нам на пути, не прерывали своих занятий, делая вид, будто их здесь и вовсе нет. И это было правильно, если бы они кланялись каждый раз, как видят хозяев или их посетителей, громадный особняк оброс бы пылью и грязью.

— Скажите, Владислав Васильевич, — заговорила матушка, пока мы шли через длинный коридор с громадными окнами, выходящими во внутренний двор, — как сейчас себя чувствует ваша внучка?

Идущий впереди старик вздохнул.

— Всё было хорошо, Анастасия Александровна, — произнёс он. — До тех пор, пока она не поняла, почему у неё изменилось зрение. Истерику мы кое-как успокоили, и здесь очень пригодилось то, что вы пообещали сегодня Инну вылечить. Девочка, конечно, настрадалась, но надеется, что вы сможете всё исправить.

Мы добрались до двойных дверей с выложенным на них гербом семьи, слуги по знаку графа Никитина с поклоном раскрыли створки. Родовой символ разделился по середине,

открывая вид полутёмного помещения.

Большая комната, с первого взгляда определяющаяся, как девичья, встретила нас задёрнутыми шторами. Инна лежала на кровати, глядя в сторону окон, к нам она поворачиваться не спешила, хотя я заметил, как сильно её пальцы стиснули одеяло.

— Инна, поприветствуй наших гостей, — с нескрываемой нежностью в голосе обратился к ней глава рода. — Анастасия Александровна и Иван Владимирович прибыли, чтобы помочь тебе. Как я и обещал.

Моя одноклассница вздрогнула, но не повернулась. Понятно, что показываться хоть кому-то в таком состоянии ей не хотелось. Тем более всё усугублял тот факт, что ещё вчера мы были учениками одной гимназии и прекрасно друг друга знали.

— Здравствуйте, Анастасия Александровна, — дрожащими губами едва слышно вздохнула она. — Здравствуй, Иван Владимирович.

Граф оглянулся на матушку и развёл руками. Деду было больно смотреть на состояние своей внучки, но что он мог с ней поделать? Здесь с первого взгляда понятно, что Инна могла из Владислава Васильевича верёвки вить, даже будучи совершенно здоровой. А уж теперь-то, когда она реально пострадала, сердце главы рода и вовсе шло впереди головы.

— Ваше сиятельство, вы желаете присутствовать? — уточнила матушка.

— Если это возможно... — ответил тот.

— Вполне, — легко кивнула старшая Корсакова, после чего приподняла руку в мою сторону. — Иван, приступай.

Я вздохнул, чтобы вытряхнуть из головы посторонние мысли и сосредоточиться на деле. Сейчас, как мне было прекрасно известно, в моих и без того зелёных глазах полыхало целительское пламя того же цвета. Со стороны смотрится жутковато, но внешний эффект убирать — это нужно сознательно тратить силы. А мне предстоит серьёзная операция, и отвлекаться ни к чему.

— Инна Витальевна, — обратилась к моей однокласснице матушка вкрадчивым голосом, каким обычно разговаривала со своими пациентами. — Прошу вас повернуть голову к Ивану Владимировичу. Целителю всё равно необходимо видеть, с чем он работает.

Сжав край одеяла, девица всхлипнула, но не пошевелилась. Ей не хватало духа для этого. Я поднял ладонь, призывая мать помолчать, в конце концов, раз уж это мой экзамен, к чему мне вмешательство другого целителя?

— Не волнуйся, Инна, — обратился к однокласснице я. — Неужели ты думаешь, что после того, что произошло у ворот гимназии, есть хоть что-то, чего я не видел?

Она тряхнула головой, а я приблизился к кровати. Краем уха слышал, как двигает мебель граф Никитин. Старик поставил пуфик от трюмо так, чтобы они вместе с моей матерью могли устроиться на сидении и при этом наблюдать за

нами с пациенткой.

— Ты же понимаешь, что это я тебя лечил изначально? — задал наводящий вопрос я. — И то, что я не восстановил тебе глаз сразу, всего лишь следствие закончившегося резерва. Мне нужно было спасти ещё одного человека, и потому я выбрал оставить тебя с травмой, не угрожающей жизни...

И вот этого Инна уже не выдержала. Резко обернувшись ко мне, она откинула спадающую на лицо часть волос, с вызовом демонстрируя мне зияющую дыру на месте отсутствующего глаза.

— Не угрожающей жизни?! — резко повысив голос, выкрикнула она.

Накопившееся напряжение выплеснулось наружу, и Инна даже на четвереньки встала на кровати, как будто собиралась на меня броситься. Я наблюдал за этим уже сквозь магическое зрение, а потому не мог даже оценить пеньюар, в который она была одета. Обзор заслонял разделённый на слои организм.

Как в редакторе, я мог вычленять отдельные системы, хватывать куски, смотреть сквозь кожу и мясо, заглядывать в костный мозг. Но истерика в мои планы не входила, а потому я начал с самого простого.

— Спи, — велел я и щёлкнул пальцами.

Инна Витальевна рухнула на постель, и я услышал, как забурчал Владислав Васильевич за моей спиной. Однако граф не посмел вмешиваться – старик прекрасно понимал, что

мои действия пойдут его внучке на благо.

Я же взял пациентку за плечи и с лёгкостью перевернул на спину. Физическими упражнениями я не пренебрегал, прекрасно зная по опыту, что это продлевает срок жизни без всякой магии. Так что для человека моей комплекции вернуть бессознательную девицу, в которой едва пятьдесят килограммов наберётся — вообще не проблема.

— Провожу сканирование, — сообщил я, кладя руку на повреждённую глазницу. — Орган отсутствует полностью. Хм, кто-то работал скальпелем?

— Наш семейный доктор, — с готовностью пояснил Владислав Васильевич. — Нужно было удалить отмершую ткань, чтобы не допустить заражения.

Я кивнул, не став вступать в дискуссию. То, что осталось от глаза после моей работы у гимназии, никакого заражения и повлечь не могло, так как организм должен был сам поддерживать обрывки в жизнеспособном состоянии. Впрочем, граф Никитин не мог знать, что я приду сегодня, чтобы вернуть Инне Витальевне зрение, а неодарённый доктор будет делать всё, чтобы спасти жизнь внучке главы рода.

— Передайте вашему хирургу, чтобы заменил скальпель, — произнёс я. — Судя по тому, что я вижу, он затупился. Глазница вычищена от всех остатков глаза, обработана. Буду работать по первому варианту. Анастасия Александровна, прошу зафиксировать время.

— Одиннадцать десять, — с готовностью отозвалась глава

рода Корсаковых. — Можете приступить.

Кивнув, я занялся делом. Есть своя прелесть в том, что не придётся возиться с оставшимися тканями. В процессе развития человеческого тела в любом случае накапливаются дефекты и особенности, с которыми приходится иметь дело. А когда выращиваешь орган с нуля, ты сам можешь задать любые параметры, сделать не изношенный за восемнадцать лет глаз, а идеальный. Воплощённое совершенство, каким его задумывала природа.

Поймав с помощью дара конец уцелевших тканей, я занялся выращиванием глаза, повторяя те же процессы, которые проходит зародыш в утробе матери. Это самый простой и эффективный способ, исключая ошибки. Но требующий большего расхода сил и знаний, как этот самый процесс происходит.

Как и обещал, я работал неспешно, постоянно перепроверя себя — для этого всего лишь нужно было смотреть на второй, целый глаз. Так что время текло, пациентка мирно спала, как под наркозом, матушка наблюдала за мной со спины — я чувствовал её активированную силу. А вот граф Никитин, очевидно, нервничал, так как матушка, похоже, потихоньку подхватила его сердце, не давая ему взбрыкнуть от нервов.

Отметив этот факт краем восприятия, я продолжал работу. Веко буду восстанавливать в самом конце — последнее, максимально простое действие. А тем временем пустая глазница покрылась новой слизистой, совершенно чистой.

Глазное яблоко ещё только формировалось, когда я обновил на Инне воздействие.

— Повторил процедуру погружения в сон, — сообщил я, как только наложил чары на девуцу заново. — Время?

— Одиннадцать сорок, — ответила матушка.

— Полчаса, — озвучил я несложный расчёт, — реакция в пределах нормы. Продолжаю восстанавливать глазное яблоко.

Процесс шёл, мой дар пылал в груди, как верный пёс, подталкивающий хозяина идти вперёд. Ему тоже не терпелось исцелить нуждающуюся в помощи. Но дар – всего лишь инструмент, а потому мы никуда не спешили.

Наконец, свечение вокруг моей руки ушло, растворившись в воздухе. Я мгновенно почувствовал, что стоял на одном месте без движения почти целый час. Отступив от Инны, я кивнул матушке.

— Готово, можете проверять, Анастасия Александровна, — произнёс я.

Граф тоже поднялся с пуфика и бодрым шагом направился к постели. Понятно, что он не увидит ничего из того, что доступно целителю. Но старик хотел лично убедиться, что я справился, так что не было никаких причин заставлять его ждать и волноваться больше положенного.

Матушке даже не пришлось прикасаться к пациентке, как и поднимать веко. Хватило одного взгляда.

— Работа выполнена на отлично, — отстранённым голо-

сом произнесла она. — Вижу, даже цвет века подобран под тон остальной кожи.

Этого, конечно, не было в плане. И формально мне запретили всякие эксперименты с внешностью пациентки. Но у меня был вариант, как от этого обвинения отбиться.

Так что я пожал плечами.

— Было бы странно, если бы девице оставили одно веко бледным и никогда не видевшим солнца, — пояснил свои действия я. — А значит, моя работа была бы выполнена не до конца.

Матушка кивнула, принимая мой ответ, но никак его не комментируя. Подробный разбор она устроит, когда мы окажемся наедине. Корпоративная этика во всей красе – даже если бы я допустил ошибки в работе, Анастасия Александровна ни за что бы этого не признала и стала бы выгораживать меня любым способом. Но – только перед посторонними.

— Инну можно будить, Владислав Васильевич, — повернувшись к графу, сообщила матушка. — Мы оставим вас наедине, чтобы вы могли сами поговорить с внучкой. Исцеление прошло успешно, никаких дефектов и отклонений. Цвет глаз одинаков, зрение идеальное. Как наставница Ивана Владимировича, я готова дать своё заключение, что работа выполнена на высшем уровне.

Старик кивнул, даже не глядя на нас.

— Спасибо вам, — проговорил он, и я взял матушку под

руку.

Мы уже добрались до дверей, когда она демонстративно щёлкнула пальцами, пробуждая Инну. И пока девица просыпалась, за нашими спинами закрылись створки. И я ничуть не удивился, что в коридоре вместе с дежурящей прислугой нас поджидал наследник рода и отец моей одноклассницы.

Внешнее сходство с главой рода у него если и имелось, то определить его оказалось практически невозможно. Слишком велика разница в возрасте. Виталий Владиславович был поздним ребёнком, до него у Никитина рождались только дочери. Так что единственный сын оказался самым младшим ребёнком, и разница с отцом у него составляла около полувека.

— Анастасия Александровна, — исполнив требуемый этикетом поклон, Виталий Владиславович завладел её рукой и поцеловал воздух у кисти. — Благодарю вас за то, что не оставили мою дочь в беде.

— Это было несложно, — с вежливой улыбкой кивнула в ответ та. — Иван спас ей жизнь у гимназии, а сегодня довёл своё лечение до конца.

Отец Инны перевёл взгляд на меня и протянул руку.

— Что ж, с вами я бы тоже хотел поговорить, Иван Владимирович, — объявил он, когда я пожимал его ладонь. — Как вы смотрите на то, чтобы составить мне компанию в чайной комнате? Насколько я знаю, магам хорошо помогает восстановиться сладкое.

Естественно, отказываться мы не стали. Так что в сопровождении наследника Никитиных мы добрались до названной комнаты. Внутри всё оказалось оформлено в мягкие пастельные тона, должны расслаблять посетителей.

Придвинув стул единственной женщине, Виталий Владиславович занял место напротив неё. Я же сел по правую руку от матушки. Глава рода Корсаковых вежливо кивнула, предлагая Никитину начинать беседу, ради которой он нас и позвал. Упрашивать не пришлось.

— Анастасия Александровна, — заговорил он, собственноручно наливая ей напиток. — После того, что случилось вчера, отец был не в том состоянии, чтобы заниматься делами рода. Так что мне пришлось взять на себя эту тяжкую ношу.

Он чуть дёрнул щекой, заново переживая всё, что стряслось с его дочерью. Однако не поддался эмоциям, а взял себя в руки и продолжил свой рассказ:

— С нами связались Ростовы, — объявил он. — Их люди опознали исполнителей и предоставили неопровержимые доказательства, что целью была именно Маргарита Ивановна Ростова. А наши дети... — на этом месте он согнул в кулаке чайную ложечку, серебряный прибор скрипнул в сильных пальцах, — оказались всего лишь сопутствующим ущербом.

Матушка замедленно кивнула, одновременно выражая сочувствие и в то же время предлагая продолжать.

— Кирилл Дмитриевич готовится к обвинению рода Ше-

пелевых, — поделился Виталий Владиславович. — Именно их люди совершили покушение. Ваш сын тоже был там, и хотя ему удалось уцелеть, я предлагаю вам присоединиться к иску на Суде Равных. Как и всех других глав родов, чьи дети оказались у тех ворот.

— Я согласна, — не тратя времени на раздумья, ответила матушка. — Подобное нападение выходит за все рамки допустимого. Но мне хотелось бы ознакомиться с доказательствами, прежде чем выступать перед судом.

Виталий Владиславович склонил голову.

— Я перешлю вам все данные, Анастасия Александровна.

На несколько секунд за столиком повисло молчание. Я потратил это время, чтобы выпить сладкого чая. В вазочке было полно конфет и печенья, но есть совершенно не хотелось — не так уж и давно мы позавтракали, а впереди ещё обед. К чему перебивать аппетит?

Тем более у меня нет прав, чтобы встревать в разговор двух глав родов. Моё мнение, если матушке потребуется, будет озвучено наедине или вовсе дома. Анастасия Александровна не первый год возглавляет нашу семью.

Ровно с тех пор, как проигравшийся до последних штанов папаша вышел за хлебом и вот уже четырнадцать лет никак не может найти дорогу обратно. Впрочем, чего ещё ждать от лудомана, в наследство от которого нам достались одни долги?

Слабая женщина на месте матушки непременно слома-

лась бы в подобных обстоятельствах. Анастасия Александровна же могла быть какой угодно, но ни у кого не повернулся бы язык назвать её слабой.

Оформив через положенный срок развод с пропавшим без вести супругом, она вернула свою девичью фамилию и сменила их для нас с Катей. Так что к роду блудного гвардейца мы больше не имеем никакого отношения.

— А ещё я хотел бы выразить вам свою личную благодарность, — вновь заговорил Никитин, в этот раз глядя на меня. — Иван Владимирович, вы поступили как настоящий дворянин. Обезвредили нападавших и спасли пострадавших. То, что Инна вообще выжила после таких травм, исключительно ваша заслуга. И я хочу, чтобы вы знали — я вам благодарен. Скажите, чем я могу вам помочь, и я непременно это исполню.

Я улыбнулся и отставил чашку на блюдце.

Конечно, можно потребовать чего угодно. Никитины — большой и богатый род, намного состоятельнее Корсаковых. Но менять спасение жизни на презренное золото? Это нужно быть совсем уж дебилом, а у меня с разумом всё в полном порядке. А потому и ответ может быть только один.

— Виталий Владиславович, — глядя ему в глаза, заговорил я, — вы сами сказали, что я поступил так, как подобает дворянину. А что делает дворянина таковым? Не предки, хотя они важны, не деньги, хотя без них никуда. Честь — вот что важнее всего. И моя честь не позволила стоять и смот-

реть, как убивают детей. Потому мне не нужно никакой благодарности, достаточно и того, что мы хорошо друг к другу относимся. У вас замечательная дочь, и я рад, что мы вместе учились. Надеюсь, взаимное расположение между нашими семьями будет и дальше оставаться таковым.

Я видел, как блеснули глаза матушки. И прекрасно знал, что именно она сейчас чувствовала.

Гордость.

Глава 6

Кремль, кабинет государыни.

Солнечный свет проливался из окна на массивный стол, покрытый сукном. Повёрнутое к посетителю кресло оказалось в тени, из-за чего рассмотреть выражение лица государыни сразу было невозможно и требовалось присматриваться.

Когда здесь работал её покойный супруг, с его ростом он возвышался над спинкой. Но Екатерина Юрьевна ростом была пониже, и фигура, даже в её возрасте, оставалась хрупкой. Она всё ещё была очень красивой и однажды введённой моды на придворные приталенные узкие платья не меняла.

Как её будущий супруг, тогда ещё только наследник престола, выбрал себе невесту, в Кремле резко изменилась одежда дам. Исчезли пышные юбки и корсеты, возвращённые из небытия ещё прошлой императрицей, уступив место изящным нарядам, в которых сразу было видно, насколько тебя не одарила природа. Многие пребывали в ужасе, растеряв былой лоск и очарование.

Но ни цесаревича, ни будущую государыню это не волновало. До самой своей смерти Михаил Константинович на других женщин не смотрел, собственная супруга его радовала. А когда начался траур, заниматься модой вовсе стало неприлично, с тех пор так и повелось.

Перед столом государыни стоял мужчина на вид лет пятидесяти с по-военному короткой причёской. Строгий мундир шефа жандармерии сидел на нём, как влитой, и подчинённый двигался в нём так, словно родился. В руках руководителя службы находилась папка, из которой он выкладывал перед Екатериной Юрьевной документы по мере своего отчёта.

— Значит, Евгений Васильевич, целью была Ростова, — подытожила рассказ своего подчинённого государыня.

— Так точно, ваше императорское величество, — с поклоном подтвердил тот.

Императрица постукала ноготками, окрашенными в цвета флага Российской империи, по подлокотнику кресла, недовольно поджав губы. Косметикой она не пренебрегала, хотя ещё не достигла того возраста, когда без неё невозможно выйти из дома. Но маникюр не менялся с тех пор, как однажды был сделан в шутку по заказу Михаила Константиновича. Так и носила государыня, лишь вовремя его подновляя.

— А скажи-ка мне, Евгений Васильевич, — медленно заговорила она, — почему в моей столице какие-то вчерашние нувориши могут себе позволить стрелять по детям посреди бела дня? Может быть, я слишком давно не ставила автографов на приказах о публичной казни? Может быть, пора устроить показательную порку, чтобы все эти твари заново вспомнили, за что меня прозвали Железной?

Шеф жандармерии ничего не ответил на эти слова. Он уже

не первый десяток лет служил на своём посту и давно изучил государыню. А потому ждал, когда она закончит говорить. Перебивать Железную Екатерину, эту хрупкую, слабую красивую женщину, которая, став вдовой, передушила всех посмевающих смотреть в сторону трона едва ли не собственными руками, было чревато.

— Исполнители у нас не благородные? — уточнила императрица. — Нападение на дворян, значит, бунт. А так как совершено группой, спланировано – наказание должно быть по максимальному разряду. Устроили вооружённое нападение на детей – значит, террористы. А с ними у нас переговоров не вели никогда. Выберите наказание по высшей мере, Евгений Васильевич. Я хочу, чтобы каждая собака вплоть до восточного берега Аляски знала, за что их казнили и как.

Мужчина склонил голову и тут же внёс карандашом пометку на рабочем блокноте. Несмотря на то что можно было пользоваться техникой, Евгений Васильевич доверял ей лишь отчёты. Так как прекрасно знал, насколько легко вскрывается любая компьютерная сеть – у него даже особый отдел имелся, который эти преступления расследует.

— Дальше, — стукнув ногтем по подлокотнику, продолжила отдавать приказы императрица. — Шепелева – к вам в застенки, разрешаю применять любые средства. Узнайте у главы рода лично, Евгений Васильевич, с чего вдруг этот выскочка решил, что у него есть право покушаться на мои законные полномочия. Неужели вообразил, что власть ослабла

и у меня характер смягчился на старости лет?

Про годы она, конечно, сказала для красного словца. В свои сорок императрица даже на них не выглядела. Впрочем, говорить ей об этом Евгений Васильевич не стал, а сразу ответил по делу.

— Будет исполнено, ваше императорское величество, — заверил шеф жандармерии и сделал новую пометку.

— Передай в Суд Равных, что я лично нашла Шепелева виновным, — произнесла Екатерина Юрьевна. — И заодно спроси их, как они вообще собираются жить в одном благородном обществе, когда в их рядах такие отщепенцы находятся? Уж не потому ли Шепелевы себе многое позволили, что это стало нормой у дворян, и императорская власть для них пустой звук? И если среди них попался один террорист, может быть, стоит и к остальным присмотреться? Может быть, они там все такие?

— Ваше императорское величество, — всё же решил уточнить подчинённый, — смею заметить, что после такого род будет в срочном порядке вычеркнут из списка дворянских фамилий. А это значит, что нам придётся вести следствие уже не с дворянином, а с простолюдином.

— Действуйте в соответствии с законом, Евгений Васильевич, — благосклонно кивнула государыня. — Естественно, учтите, что все пострадавшие должны получить достойную компенсацию. Как Шепелев будет её выплачивать, меня не волнует совершенно.

— С вашего позволения, ревизионная комиссия может найти дополнительные улики, — сообщил шеф жандармерии. — Я помню, что у нас имелись подозрения о нечестности Шепелева в деле о поставках с его ткацких заводов в армию. Текущая ситуация – идеальный момент, чтобы законно разобраться в этом вопросе.

Императрица кивнула.

— В таком случае казна тоже должна получить свою компенсацию, Евгений Васильевич, — сказала она. — Но о пострадавших забывать нельзя. Кстати, как зовут того мальчика, который их спас?

— Корсаков Иван Владимирович, восемнадцать лет, выпускник гимназии, учился с пострадавшими в одном классе, закончил с отличием, определён родовой дар целителя, — не заглядывая с записи, ответил подчинённый. — Сегодня как раз собирается комиссия, чтобы принять его на службу в госпиталь к матери под крыло.

Императрица хмыкнула, сложив пальцы в замок и разместив их на животе.

— Как быстро растут чужие дети, — заявила она. — Я же помню Настю и её муженька. Его так и не нашли, кстати?

— Как был признан пропавшим без вести, с тех пор розыск и свернули, — покачал головой шеф жандармерии. — Долги, которые он оставил в наследство Анастасии Александровне, она погасила самостоятельно.

— Это я ещё помню, — кивнула государыня. — Вот что,

Евгений Васильевич, позвони-ка в этот госпиталь. А лучше пошли кого-нибудь толкового, пусть сам туда ходит.

— Что передать, ваше императорское величество? — тут же уточнил подчинённый.

— Мальчик проявил себя героически, это нужно поощрить, — чуть наклонив голову, ответила Екатерина Юрьевна. — Озвучьте ему следующее предложение: стать учеником моего придворного целителя. Естественно, не давить, не угрожать. Всё должно быть максимально мягко. А то народ не поймёт, если мы виновников казним, а героев не наградим. Орден какой-то можно ему повесить...

Евгений Васильевич кивнул.

— Так как Корсаков не служит, по статуту ему положена медаль «За спасение», ваше императорское величество.

— Вот и распорядись, чтобы он её получил. И вот ещё что, в любом случае, как бы ваш разговор ни повернулся, вручите ему личное приглашение на большой приём в Кремле, — указала государыня. — Заодно и медалью наградим.

Подчинённый кивнул, сделав ещё одну пометку.

— Кстати, ваше императорское величество, — заговорил он после этого, — вы же помните наш план найти подходящего молодого дворянина на роль подставного фаворита для Дарьи Михайловны по тому самому делу?

Екатерина Юрьевна приподняла бровь.

— Что, правда? — уточнила она. — Мальчик хорош настолько?

Шеф жандармерии извлёк из папки фотографию и положил на стол перед государыней. Хозяйка кабинета взяла её и несколько секунд рассматривала изображение молодого спортивного блондина с яркими зелёными глазами.

— Слава богу, в Настю пошёл, — с улыбкой прокомментировала она. — А что, мне нравится. Но прежде чем одобрить его, нужно на мальчика в деле посмотреть. Вдруг он косноязычный или робкий? Вот придёт на награждение, и там я на него посмотрю, — приняла решение императрица.

— Тут может оказаться сложнее, ваше императорское величество, — с сожалением заметил шеф жандармерии. — Парень, судя по личному делу, признаётся сверстниками, как несколько... незаинтересованный в противоположном поле. Но в общении со взрослыми его удостаивают всяческих похвал. Иван Владимирович по свидетельствам — достойный дворянин, который понимает, чего стоит. Не мечется, последователен, в отношении с другими ровен, придерживается дворянской чести едва ли не до крайности. При этом он никогда не проявлял желания влиться в чужую компанию, его приглашали сами.

— Но ты рекомендуешь именно его? — уточнила Екатерина Юрьевна.

— Да, ваше императорское величество, — кивнул подчинённый. — Если он действительно взрослый не по годам, а учитывая его предысторию, всё на то и указывает, то я уверен, если поговорить с ним по-взрослому, открыто и чест-

но, тогда он сделает всё, как нужно. Однако дело деликатное. И требует определённой гибкости. А Иван Владимирович неоднократно замечен за тем, что отказывается от оплаты своих личных целительских услуг.

— Намекаешь, что он может отказаться от медали? Награда должна быть соответствующая, — с понимающей улыбкой подхватила мысль государыня. — Вот что сделаем: приглашение на вручение медали пусть доставят всем Корсаковым. Тогда он точно не посмеет не явиться. Ради матери он обязательно придёт. Да и я сама с удовольствием с Корсаковой поговорю, дам личную аудиенцию. Дочка... Сколько ей?

— Шестнадцать.

— Окончит гимназию, и ко двору её, — кивнула государыня. — Моим фрейлинам нужна свежая кровь, а то я скоро помру, и мои вместе со мной зачахнут от старости. А следующему поколению что-то оставить тоже нужно.

И вновь упоминать о том, что Екатерина Юрьевна ещё крайне молода, чтобы задумываться о старости и смерти, шеф жандармерии не стал.

— Вы очень мудры, ваше императорское величество.

— Ой, брось ты эту лесть, Евгений Васильевич, — отмахнулась та. — Высоко взлетают Корсаковы, но и дело здесь политически важное. Я хочу, чтобы все вспомнили — никто не смеет покушаться на устои государства. А верные нам люди получают достойные награды и поощрения. Да и надо посмотреть, кто из придворных на него клонет.

Москва, госпиталь имени его превосходительства С. П. Боткина. Корсаков Иван Владимирович.

Автомобиль остановился перед местом, где мне вскоре предстоит поступать на службу. Матушка приподняла руку, призывая меня задержаться в салоне.

— Ваня, — заговорила она, — мы сегодня неплохо постарались. Ты сделал всё отлично и хорошо себя показал при разговоре с Виталием Владиславовичем. К тому же по договорённости с графом Никитиным мы получим неплохую сумму за оказанные услуги.

Я кивнул.

В том, что матушка не забыла о пользе для нашей семьи, я не сомневался. Никитины, конечно, могли себе позволить услуги и другого целителя — нас не так уж мало в Российской империи. Но у действительно знающих и умеющих профессионалов очень плотный график, куда так просто не при-ткнёшься. Поэтому жить Инне без глаза предстояло некоторое время, если бы матушка не предложила нашу помощь.

А срочность и гарантия полноценного исцеления, полученного своевременно, по умолчанию дороже обычной цены. Так что состояние Корсаковых пополнится значительной суммой. Приятно осознавать, что я приложил к этому руку.

— Сейчас тебя будут спрашивать на комиссии, — продолжила речь матушка, но тут же повернула голову в сторону въезда на территорию госпиталя. — А это что такое...

Автомобиль с номерами жандармерии влетел на парковку и, резко затормозив, выдал чёрный дым шинами. Встав рядом с нами, машина замерла. Пассажирская передняя дверь открылась, выпуская наружу Родионова Платона Демьяновича.

— Похоже, это к нам, — пожал плечами я. — Выйдем?

Анастасия Александровна кивнула, и я первым выбрался наружу, чтобы обойти автомобиль и помочь покинуть автомобиль главе рода. Всё это время старший жандармский офицер стоял на месте, дожидаясь, когда мы подойдём.

В его руках находилась бумажная папка из красной кожи. Взгляд цепко обводил пространство.

— Добрый день, Анастасия Александровна, — заговорил он первым, когда мы приблизились. — Здравствуйте, Иван Владимирович.

— День добрый, Платон Демьянович, — ответила матушка, я же ограничился кивком.

Затягивать он не стал и сразу же перешёл к делу.

— Её императорскому величеству доложили о случившемся вчера, — сообщил Родионов. — Мне было поручено передать вам следующее. Анастасия Александровна, прошу вас расписаться в получении личных приглашений на большой приём, где Иван Владимирович среди прочих дел будет награждён медалью «За спасение».

Он вручил гербовую бумагу матери, и та, вскинув бровь, внимательно прочла текст. Я стоял рядом и без проблем ви-

дел, что там действительно написано то, о чём говорил старший офицер.

Приглашение всему роду на приём, где меня наградят за спасение детей дворянского сословия. Был бы я уже на службе, награда была бы совершенно иной, но так как я пока чина не имею, иначе и быть не может.

Да и, честно говоря, без того не так много людей моего возраста, кто медаль получает. Вообще любую, не только за проявленный героизм. Само по себе это уже отличная строчка в резюме.

— Премного благодарны, — подписывая отчётный документ, произнесла матушка. — Почему такая срочность, Платон Демьянович?

Прозвучало так, будто глава рода Корсаковых не слишком-то удивлена. Хотя на самом деле в Российской империи постоянно что-то происходит. Огромная страна, раскинувшаяся на два континента и оба полушария, здесь происшествий каждый день с избытком. И что-то не припомню я, чтобы отличившихся в них награждали столь же ярко и с помпой – на приёме у государыни.

Вручить-то мог бы и сам Родионов. И я бы считал, что всё по делу и в рамках приличий. А приглашение на большой приём, где будут присутствовать высшие сановники государства, это политический ход. Нас зачем-то втягивают в игры на самом верху – и не сказать чтобы этот факт меня сильно радовал.

Одно дело собственная репутация, наработанная годами практики, и совсем другое – когда тебя императорской волей поднимают со дна на самый верх. Бесследно подобные вещи не проходят. Даже если для нас никаких последствий не будет, общество станет иначе нас воспринимать.

— Мне велено поговорить с Иваном Владимировичем наедине, — ответил старший офицер. — Дело государственной важности.

Матушка бросила на меня обеспокоенный взгляд. Но препятствовать не стала. Не разбрасываются такими словами в этой России. Даже функционер жандармерии ответит по всей строгости, если начнёт что-то мутить под прикрытием такого заявления.

Вплоть до казни.

— Хорошо, я не стану препятствовать, — вздохнула матушка. — Но у нас комиссия...

Родионов повёл рукой.

— Об этом можете не беспокоиться, Анастасия Александровна. Если по итогам разговора мы не договоримся, то решение всё равно уже принято, и Иван Владимирович поступает на службу с понедельника.

Нейтрализовав таким образом главу рода, Платон Демьянович открыл мне дверь на заднее сидение автомобиля. А вот водитель, наоборот, выбрался наружу. Судя по всему, информация, которую мне озвучат, для его ушей не предназначена. Не удивлюсь, если машина ещё и глушилками на-

пичкана до упора.

Усевшись с правой стороны, я дождался, когда Родионов сядет слева. Наконец, старший офицер устроился и заговорил.

— Иван Владимирович, произошедшее стало известно на самом верху. И было решено не только наградить вас медалью, но и предложить службу. Как вам в качестве наставника Ларионов Илья Григорьевич?

Хороший вопрос.

Как тебе, пацан, в качестве наставника личный целитель её императорского величества и всего правящего рода? Это то самое предложение, от которого не отказываются. И здесь даже не столь важно будет, обучит ли тебя действительно лично Илья Григорьевич, или ты будешь младшим заместителем десятого помощника.

— Полагаю, мне за это придётся сослужить её императорскому величеству некую службу, — чуть наклонил голову я.

Родионов кивнул и с самым беззаботным видом объявил:

— Вам будет необходимо изобразить фаворита наследницы престола. Итак, Иван Владимирович, ваш ответ?

Глава 7

Ну что, вот и она, та самая политика, ради которой меня удостоивают медали «За спасение». И плата соблазнительно выглядит, ведь кто в своём уме захочет отказываться от обучения у самого лучшего целителя страны? Сказано, разумеется, что это вещи не связанные между собой, но я же не первый день на свете живу, понимаю, что предложение комплексное, и отказаться от одного, но сохранить другое не получится.

Да, практики у Ларионова может быть поменьше, зато после такого наставничества меня с руками оторвёт любой госпиталь – ученик самого Григория Ильича – это престижно. Даже если не допустят до реальной работы, сам факт, что в вашем заведении перебирает бумажки ученик Ларионова – это знак качества. А престиж клиники потянет за собой более платёжеспособных клиентов. Это для простолюдинов медицинские услуги оплачиваются короной, благородные люди платят из собственного кармана.

С другой стороны, очевидно, что становиться пешкой в чужой игре – мало того что само по себе не слишком-то приятно, так ещё и опасно. Нет, будь я простым восемнадцатилетним юнцом, я бы уже пальцы резал, чтобы кровью подписаться. Но я-то не такой.

Если я только покажусь кому-то помехой на пути, при-

дворные интриганы приложат все усилия, чтобы я исчез. И здесь не важно, как именно — от банального бретёра, который меня с гарантией укокошит, до компрометирующих слухов о распутном поведении.

В общем, ситуация неоднозначная и требует прояснения.

— Так, Платон Демьянович, — осадил я старшего офицера. — Давайте по порядку. Что значит «изобразить фаворита»? Что конкретно от меня потребуется?

Родионов хмыкнул, но ничуть не удивился моей реакции. Очевидно, он прекрасно уже знал, каков я, а потому не ожидал иного.

Я же бросил взгляд за окно, где моя матушка стояла в компании водителя жандарма и о чём-то с ним непринуждённо разговаривала. Судя по тому, как глаза Анастасии Александровны светились, параллельно она сканировала собеседника на наличие болезней или травм.

— Всё очень просто, Иван Владимирович, — заговорил Платон Демьянович. — Вы приходите на большой приём со всей семьёй, получаете награду. Её императорское величество спросит, не желаете ли вы поступить на обучение к Ларионову. Григорий Ильич уже стар, как вы знаете, а преемника до сих пор не выбрал. Учеников вроде вас у него одновременно целый штат. Ни для кого это новостью не станет, так что придворные отнесутся к вашему появлению при дворе совершенно безразлично. Вы будете для них всего лишь одним из многих на данном этапе.

Я кивнул, показывая, что внимательно слушаю. А сам при этом сканировал собеседника.

Когда видишь человека насквозь, соврать тебе могут только полные психопаты, но их можно поймать на отсутствии реакций в мозгу, которые отвечают за демонстрируемые эмоции. Так что сейчас Родионов соврать мне не сможет. Впрочем, учитывая, что он обязан видеть, как светятся мои глаза, открыто лгать он и не посмеет.

— Дальше вас сведут с царевной вместе, — продолжил рассказывать старший офицер. — Познакомитесь, поговорите, а потом станете сопровождать Дарью Михайловну в поездках и визитах. Разумеется, как ученик целителя, не более. Но в обществе все должны решить, что вы — её избранник.

— Погодите, — приподняв ладонь, остановил его я. — Но у неё же есть какой-то жених, наверное? Царевна — это не просто девица, там серьёзные фамилии в брачных договорах фигурируют.

Я конкретной личности не знал, никогда попросту не допускал мысли, что мне придётся с настолько важными людьми встречаться столь быстро. Если бы всё шло своим чередом, лет через двадцать всё равно бы оказался там, естественным путём. А теперь придётся перелопатить горы информации, чтобы выяснить, с кем можно говорить, а от кого бежать как от огня.

Ну и, разумеется, избранник для царевны — это не плотник Вася. Обязательно представитель серьёзной аристокра-

тической семьи. Наверняка ещё и из таких же Рюриковичей, как и сама Дарья Михайловна.

— Жених формально есть, — склонив голову, подтвердил Платон Демьянович. — Но его семья... Скажем так, эта помолвка должна быть разорвана. Формального повода для этого нет, и потому здесь на сцену выходите вы. Чтобы спровоцировать семейство жениха царевны на резкие шаги. А кроме того — через вас несомненно попытаются повлиять и на саму Дарью Михайловну. Ночная кукушка дневную перекукует, слышали такую поговорку? Вы человек при дворе будете новый, ни с кем формально не связанный, и подойти к вам обязательно попытаются.

— И меня, естественно, попытаются убрать, — кивнул я.

— Вот об этом можете не переживать, — поспешно заверил Родионов. — Ни вам, ни Дарье Михайловне никто угрожать напрямую не посмеет. Вы всегда будете либо в самом Кремле, но на виду у придворных, либо под охраной. Естественно, телохранители её императорского высочества будут рядом в любой момент времени. Сами понимаете, каким бы замечательным вас ни считала государыня, а доверять безопасность дочери мальчишке, который только гимназию закончил, ни один разумный человек не станет.

С этим я не спорил.

Потому как воображение живо нарисовало, как невидимые убийцы стреляют в меня, а попадают в Дарью Михайловну. Хорошая же у меня тогда сложится репутация, если

у меня на руках убьют дочь императрицы. Впрочем, долго в этом случае переживать об этом Железная Екатерина мне не даст – сварит в масле, как в старой доброй русской сказке, вот и всё.

Государыня у нас такая – может, умеет, практикует.

Впрочем, ничего удивительного. В этой России никому в голову не пришло продавать Аляску. Романовы, как только кончились русские представители среди них, сошли с престола, а на их месте обосновались Долгоруковы. Почему бы и нет? Процесс уже отработан, собрались лучшие люди земли русской, да выбрали Кирилла Никитича Долгорукова в 1762 году на царствие. С тех пор династия так и шла.

Чего стоило после смерти государя удержать трон Екатерине Юрьевне? Всё это случилось на моей памяти, и хотя на улицах столицы ничего горожанам не угрожало, однако кровавый террор, устроенный государыней, мог бы заставить удавиться от зависти и княжну Ольгу, и крестителя Владимира и Ивана Грозного вместе взятых.

Конечно, жандармы и Тайная канцелярия не хватали кого попало по приказу Екатерины Юрьевны. Умные люди у подножия престола примазались к вдове-императрице, сдавая своих вчерашних друзей с потрохами. Для них это был способ законно расправиться с давними врагами и просто конкурентами. Ну и шкуры свои спасти, чего уж.

Государыня не устраивала опричнину, не порола горячку, руководствуясь не только интересами лично своими, не за-

бывала о благе Российской империи, но проредила высший свет знатно. Так что казни шли одна за другой и отличались воображением. Становиться на пути женщины, с совершенно равнодушным лицом наблюдавшей, как натурально варили в масле её двоюродного брата, задумавшего переворот, может только полный псих.

— Это хорошо, что царица будет под присмотром, — заговорил я. — Но есть несколько моментов, которые меня смущают. Во-первых, актёр из меня так себе. Я вряд ли сумею очаровать Дарью Михайловну в достаточной степени, чтобы хоть кто-то купился на мою игру. Во-вторых, что будет со мной после того, как нужда в подставном фаворите пройдёт?

Родионов улыбнулся.

— Вот о последнем можете совершенно не переживать, Иван Владимирович, — заверил меня он. — У вас будет придворная должность с самого начала, и лишать вас её никто не станет. Дальше уже будет зависеть от вас, сами понимаете, целительство — не та область, в которой жандармерия станет лезть поперёк Ларионова. Со своей стороны можем обещать только зелёный свет вашей карьере. Уже одного этого будет достаточно, что при малейшем намёке Григория Ильича с чинами и должностями у вас всё сложилось быстро и ровно. Но если вы не сможете оправдать доверие Ларионова, мы его не переубедим. Сами понимаете, Иван Владимирович, личный целитель государыни — это мощь, что бы мы ни сказали,

его слово окажется весомее.

Тут спорить было сложно.

— А что касается первого пункта, — продолжил Родионов, — то здесь тоже всё просто. Дарья Михайловна сама увлекается медициной и покровительствует несколькими крупными больницам. Детским, в основном. Вы будете при ней в качестве представителя от целительского корпуса. Всё, разумеется, совершенно официально. Если она прикажет — покажете чудо своего дара, поставив на ноги какого-нибудь несчастного ребяточку. Оно и правильно, и полезно. На этом фоне пообщаться с царевной будет несложно. Её привлекают люди дела. Так что ваше красноречие здесь не требуется, просто будьте собой, этого достаточно.

Я кивнул, принимая его ответ.

— Что ж, если всё продумано, то остаётся последний вопрос...

— Какой вы въедливый, Иван Владимирович, — усмехнулся Платон Демьянович. — Не ваш бы дар, я бы уже думал, что провожу собеседование в отдел дознания. Спрашивайте.

Я улыбнулся на его комментарий, но всерьёз его, разумеется, не воспринял.

Целитель, который способен в любой момент почувствовать ложь, идеально подходит на роль следователя. Главное — правильно задавать вопросы. Мне бы даже помощник для воздействия не потребовался. Одной рукой можно причинять боль, второй залечивать повреждения. И если клиент

не дурак, он расколется раньше, чем эта карусель сведёт его с ума.

И пускай это не афишируется, но я уверен на сто процентов, где-то в застенках жандармерии есть своё подразделение целителей, которые служат палачами на благо Российской империи.

— Как долго мне придётся играть роль фаворита? — уточнил я.

Родионов улыбнулся.

— А вот этого пока что я сказать не могу, Иван Владимирович. Всё будет зависеть от того, как быстро всё случится так, как нужно её императорскому величеству. Однако смею заверить, что до Нового года – крайний срок. Так как венчание запланировано на 10 января.

— А если я не справлюсь?

Вопрос несправедливый. Я, конечно, калач тёртый, и в себе уверен, но вокруг царевны наверняка трутся такие ловеласы, которым я и в подмётки не гожусь. Там, где я учился в прошлой жизни, в этой они преподавали. А потому следует заранее соизмерять свои силы.

— Останетесь на своей должности в статусе ученика Григория Ильича, — равнодушно пожал плечами Родионов. — Но от вас ведь не требуется в действительности влюблять в себя Дарью Михайловну, только сделать всё, чтобы окружающие поверили, будто это ваша цель.

Я вздохнул, в последний раз думая о том, что у меня были

совсем иные планы.

Если я отсюда выйду с отказом и устроюсь в госпитале под крылом у матушки, о каком-либо влиянии можно забыть. Был бы я наивным дурачком, поверил бы, что государыня, лично санкционировавшая операцию, простит мне отказ от её монаршей милости. И это ещё в лучшем случае, потому как я сам же совсем недавно Родионову пояснял, как надо устранять магов.

Тем более что мёртвый дворянин уже никому ничего не расскажет. А сохранять тайну меня сейчас неминуемо заставят, подписав соответствующие бумаги.

— Хорошо, Платон Демьянович, — кивнул я. — Я согласен. Но вам придётся самому объяснять моей матушке.

Родионов улыбнулся, сразу же достав из папки несколько бумажных листов. Ручка прилагалась к ним.

— Вот об этом точно беспокоиться не стоит, Иван Владимирович, с главой вашего рода я договорюсь, — заверил он. — А пока что подпишите эти документы. Ничего необычного, всего лишь согласие на участие с операции жандармерии по выявлению нелояльных законному правителю. Ну и, разумеется, от вас требуется абсолютная секретность. Никому, никогда, нигде.

Я кивнул, но прежде чем поставить первую подпись, уточнил:

— А как я буду доклады писать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.